

СЕНТЯБРЬ 1961 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 10-й

ВОЕННАЯ ГАЗЕТА

LE PASSÉ MILITAIRE

**ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ**

Редакция «Военной Были», с глубоким прискорбием извещает о кончине своего дорогого
сотрудника

Анатолия Львовича МАРКОВА

последовавшей 10 августа 1961 года, в г. Сан-Франциско.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Император Александр II	1
Воспоминания летчика-наблюдателя. (Окончание) — М. М. Чайковский	2
Лагерь строевой роты Владимирского Киевского Кадетского Корпуса (Окончание) — Евгений Булюбаш	5
Яшка — Е. Васильев	8
«Табачек» — П. С. Бассен-Шпиллер	9
Корпусной праздник — Владимир Новиков	11
Знаки отличия за труды по освобождению крестьян — Е. Молло	15
Ордена и знаки отличия гражданской войны 1917-1922 годов (Окончание) — П. Пашков	17
Случай на берегу Пилицы — В. Кочубей	33
Дорогие гости — Б. Приходкин	35
Польские орлы и знамена взятые войсками в кампанию 1812-1813 г.г. — С. Андоленко	37
Норвежская треска и русская головизна — А. Редькин	39
Польской	40
Знамена военно-учебных заведений — Полк. Приходкин	41
Старые полки конницы — А. Левицкий	44
К статье ген. фон-Лампе «Знаменательный рапорт» — В. Милоданович	45
Хроника «Военной Были»	46
Страничка формоведа — Е. М.	46
Материалы к Библиографии Русской Военной Печати за рубежом. (Продолжение). Сост. Алексей Геринг	47

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1961 ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ: во Франции и Северной Африке — 15 нов. фр. с пересылкой; в Германии — 12 марок; в Англии и Австралии — 25 шил.; в странах заокеанских — 4 дол. 50 ц. ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА: во Франции и Северной Африке — 2 нов. фр. 50 сант., в Германии — 2 м., в Англии и Австралии — 5 шил., в странах заокеанских — 80 ам. цент.

Всю переписку и денежные переводы по ИЗДАТЕЛЬСТВУ, направлять по адресу РЕДАКЦИИ: 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и Северной Африки можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881-89 Paris, A. Guering.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

10-й год издания

№ 50 СЕНТЯБРЬ 1961 Г.

Bimestriel.

Prix — 2,50 N.F.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР II

Главнейшие реформы, осуществленные в царствование Императора Александра II:

- 1) Освобождение крестьян от крепостной зависимости — Манифест от 19 февраля 1861 года.
- 2) Земская реформа — Положение о Земских учреждениях от 1 января 1864 гсда.
- 3) Городская реформа — Городское Положение от 16 июня 1870 года.
- 4) Судебная реформа — Судебные Уставы 1864 года.
- 5) Военная реформа, введение всеобщей воинской повинности — Манифест от 1 января 1874 года.

В царствование Императора Александра II было основано пять военных академий: Генерального Штаба, Инженерная, Артиллерийская, Военно-Юридическая и Военно-Медицинская.

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЕТЧИКА-НАБЛЮДАТЕЛЯ

(1914—1916 г.)

(Окончание).

Спустя два месяца я неожиданно получил извещение от генерала Шидловского, что я переведен на службу обратно в эскадру воздушных кораблей, куда и должен явиться по излечении.

Это мне не улыбалось, тянуло в свой отряд. И, когда спустя некоторое время, пришло письмо от нового командира отряда штабс-ротмистра Надеждина с предложением вернуться в отряд, я подал ему об этом рапорт.

Но, когда я уже мог ходить с палочкой, хотя не подлечившись, я решил явиться в эскадру. Генерал Шидловский принял меня очень тепло (ему нужны были офицеры) и назначил меня на корабль к штабс-капитану Макшееву. На мой доклад об обстановке, он сказал: “Ну, мы еще посмотрим, вы наш коренной офицер”.

Сделав с Макшеевым всего два полета, я все таки был переведен обратно в 31-й Авиационный Отряд.

Спустя некоторое время я узнал, что корабль Макшеева погиб со всем экипажем в воздушном бою. Немцы сбросили фотографический снимок похорон погибших с воинскими почестями.

В. Н. Надеждин был оригинальный человек. Георгиевский кавалер, хороший летчик, но по характеру вспыльчивый и невожатанный даже с начальником. Полеты на прежних аппаратах и разведки на высоте чуть ли не на 200 метров над неприятелем на нем сказались.

Модрах уже уехал по новому назначению, два наших моториста, унтер-офицер Михайлов и Кравцов получили звание военного летчика. Среди новых наблюдателей выделялся поручик Вологодцев. Георгиевский кавалер серьезный наблюдатель, всегда с шуточной готовый идти на любой рискованный полет. Позже, при большевиках, он сначала сделал блестящую карьеру, но потом был разстрелян как сторонник Троцкого.

Отряд был уютно размещен в усадьбе помещика у деревни Парохонск. Вблизи или Пинские болота, или лес.

Однажды на полете с Кравцовым для корректировки стрельбы тяжелой батареи я передавал свои наблюдения по радио-телеграфу, недавно нами полученному, батарея отвечала мне условными знаками полотнищами на земле около себя, был такой случай: летать нужно было по линии стрельбы и один раз “Буазен” так подбросило, что я схватился за кабину, чтобы не выпасть. В воздухе было совершенно спокойно. Можно думать, что это был близкий полет тяжелого снаряда, траектория которого на большую дистанцию поднимается высоко.

При возвращении назад Кравцов меня спраши-

вает: “Можете ли поддержать ручку управления? Мне что то не хорошо, голова кружится”. Я взял через плечо ручку, это я иногда делал и раньше, снял с него шлем для лучшего обдувания и думал: вот положение, ведь его ноги на педалях руля управления, хорошо еще, что мы идем домой, но как спуститься? Я не знал, что он недавно перенес тиф и был еще слаб. Взяв управление, он спустился, как всегда. Я был горд своим управлением, но Надеждин его встретил криком: “Что это, Кравцов, такой-сякой, ты пьян что-ли? Такие вензеля выписывал перез посадкой.”

— Никак нет, это г. капитан управляли.

В день Святой Пасхи, не имея спешных задач, было решено не летать, мы думали, что и немцы не будут, и спокойно сидели у палаток на аэродроме. Но показался аэроплан с крестами, сделал вираж и было ясно, что-то бросил. Все разбегаются в разные стороны, бомба упала прямо среди палаток, но не взрывается. Осторожно подходим и видим большое красное деревянное яйцо с привязанным конвертом и в нем поздравление с праздником.

Надеждин рассказывал, что у них, в старом его отряде, с одним австрийским отрядом было как бы соглашение не бросать бомб на аэродромы. И однажды упала бомба. Бросили им записку: “Что же вы и т. д.”, в ответ получили: “Извините, это начинающий, не знал”. Я видел у Надеждина фотографический снимок летчиков этого австрийского отряда.

Вооружен аэроплан в то время не был, летали только с револьверами. “При встрече с немцем”, — говорили мне, “покажем друг-другу кулак и летим дальше.”

Как то наш отряд получил хороший австрийский аэроплан системы “Румплер”, большой, белый, где-то севший в плен, и Надеждин решил на нем летать. Нарисовали наши круги на крыльях и на следующую разведку он полетел с Вологодцевым.

Недалеке от аэродрома они встречают какой то “Буазен”, с интересом всматриваются, кто летит? И вдруг “Буазен” поворачивает на них и открывает стрельбу. Надеждин сейчас же вниз, спустился, ругается. А Вологодцев говорит мне: “Что мне было делать? Вижу, что дурак, так не стрелять же в него.”

Потом те приезжали с извинениями. При повороте “Румплера” они увидели русские отличительные круги и боялись, что сбили своих. Но на “Румплере” Надеждин больше не летал, хотя у нас были целые отряды вооруженные пленными “Альбатросами”.

Раз был случай, который сконфузил меня, как артиллериста. При затяжных боях за г. Пинск, наш отряд после многих полетов определил и сфотогра-

фировал позиции неприятельских батарей. Все точные данные были переданы Начальнику Артиллерии 31-го армейского Корпуса. И заговорила наша артиллерия. На следующий день на полете я с интересом смотрю и поражаюсь: батареи не тронуты, а большими воронками исковерканы совершенно пустые места.

Надеждин был возмущен, поехал со мною в Штаб. Генерал Мищенко призвал Начальника Артиллерии, старенького генерала, на которого стал сейчас же кричать Надеждин. Генерал Мищенко, сам артиллерист, и укорял генерала, и успокаивал расходившегося Надеждина.

Из интересных картин на полете вспоминаю одну разведку у Пинска, уже занятого неприятелем.

При взлете вижу какую-то точку, что-то летит, всматриваюсь — аист. Увидя аэроплан, он старался уйти. Его крылья работали удивительно часто, ноги болтались, длинная шея изогнулась в нашу сторону и при нашей быстроте, нагоняя его, казалось, что он летит нам навстречу, хвостом вперед. Дальше, после леса, я не узнал местности. Вместо так знакомой картины, сплошная вода чуть не до горизонта. Реки Припять и Ясельда разлились и покрыли все Пинские болота. Лишь Огинский канал, окаймленный деревьями, характерно вырисовывался, как аллея, среди воды, на которой перед самым Пинском отдельными точками виднелись пулеметные гнезда, на искусственных бугорках, соединенные, как ниточками, угловатой линией досчатого помоста. Иначе здесь и без разлива нельзя было пройти по трясине.

Собрались как то у нас летчики других отрядов, многие рассказывали интересные случаи бывшие с ними. Один рассказал, что, поднявшись однажды для пробы мотора один, на полете ему вдруг показалось, что кто то сидит за его спиной. “Смерть моя” — мелконуло в его мозгу, а повернуться и посмотреть страшно. Но, когда его кто то тронул за плечо, он не выдержал, дико закричал и бросил аппарат вниз. Уже не помня как спустившись, видит, что на заднем сиденье его “Ньюпора” сидит его моторист.

“Как ты сюда попал?” — Да я через ваше плечо глядел, как работает мотор, а как вы пошли вперед, я опоздал прыгнуть.

“Ну это еще что!” — сказал другой и рассказал совершенно невероятный случай с ним. Всем стало неловко, но кто-то, вероятно шутя, спросил его: “А с “Цепелином” вы встречались?”

— Ну, как же, — и опять фантастический рассказ.

“А на “Фокере” летали?”

— О, вы знаете, раз я лечу на нем... — но тут уже старый летчик капитан Моисеенко Великий, всегда спокойный, не выдержал: “А шпаги вы не глотаете?”

Рискованность полетов, зависимость от совершенно непредвиденных случайностей на полете, порождали и суеверие, и разные приметы. Например: летчики не позволяли фотографировать себя перед полетом, бо-

ялись толкования снов и т. д. Не лишен был этого даже такой разумный и смелый человек, как Модрах. Вспоминаю, как на одном полете он спросил меня: “Как масло, радиатор?” (Следить за этим была обязанность наблюдателя). Хорошо, — ответил я. Потом на аэродроме он говорил мне: “У меня сегодня с утра было такое угнетенное состояние, как дурное предчувствие, и, спросив вас, я так надеялся, что вы найдете что нибудь не в порядке и можно будет повернуть назад”.

Интересный случай был с одним нашим пулеметом. Перед моим возвращением из Петербурга после лечения, мне прислали из отряда немецкий пулемет “Бергман” на починку. Он не давал автоматической стрельбы, хотя казался исправным. Все специалисты, к кому я обращался, не знали в чем дело, а пулемет был новый с датой 1912 года. Поехал я в Ораниенбаум в Стрелковую Школу и там маленький, пожилой мастер, осмотрев его, сказал: “Я знаю в чем дело, здесь не хватает “ускорителя отдачи”, через два дня приезжайте, будет готово”.

И, действительно, пулемет стал действовать исправно. Отправил я его в отряд, но, когда опять явился туда, мне сказали, что теперь он работает только автоматически, нельзя остановить. Стал я доискиваться причины и оказалось, что моторист при его чистке вставил “пробный” ускоритель не закаленной стали, а, когда поставили настоящий, пулемет стал опять работать как следует.

Но удивительно то, что когда к нам попал еще такой же пулемет, этот ускоритель был совсем другой формы. Русский мастер понял идею затвора и сделал по своему. Позже мы узнали, что немецкие летчики имели инструкцию при вынужденной посадке в плен выбрасывать эту часть затвора, что было легко.

Перешли в Маневичи. Австрийцы за ночь бросили свои позиции и связь с ними была потеряна, нужна была слепная разведка. Полетели мы с Кравцовым, с задачей найти неприятеля и бомбить все за такой-то линией. Я взял с собою четыре бомбы по 10 фунтов, что тогда считалось даже много.

С трудом набрав высоту между густыми кучевыми облаками, мы долго шли по компасу над сплошной белой пеленой, проверяя свое местонахождение в случайные прорывы между облаками под нами. Наконец, я нашел интересующий меня район и на одной дорожке сбросил бомбы на небольшую кавалерийскую часть. Облака не допускали хорошей разведки и мы скоро повернули домой. Опять нужно было идти все время по компасу. Кравцов удивлялся, что я его изредка заставлял отклоняться влево, а он держал направление на дальнее облако, которое при боковом ветре все время отходило в сторону, и ему казалось, что мы идем по дуге.. И, когда я ему сказал спускаться, он был очень удивлен, что наш аэродром оказался перед нами.

Надеждин был очень рад, что нам удалось хоть

что нибудь видеть, а аппараты других отрядов вернулись ни с чем, и сейчас же поехал со мною в Штаб для доклада. Случайно нас принял сам Командующий Армией генерал Леш. Он выслушал и сказал мне с иронической улыбкой: “Хорошо, но вы бомбили своих, наша кавалерия с разведкой была пущена этой ночью и по моим расчетам должна была быть в этом месте... Вы, конечно, не знали.”

У меня упало сердце. Отчего же нам не дали знать? И в подавленном настроении я провел несколько дней, пока узнал, что все таки эта конная часть была австрийская.

Полетел на разведку штабс-капитан Никольский с новым наблюдателем поручиком Дмитриевым и не вернулись. Через день приехал наблюдатель один и рассказал, что их неожиданно над нашей территорией атаковал истребитель. Никольский сразу был ранен тяжело разрывной пулей в ногу, по все таки спустился. Позже он опять летал, хотя не владея одной ногой, приспособил управление только для другой.

С таким же противником встретился наш наблюдатель (потом военный летчик) штабс-капитан Марков. Немец держался все время сзади и имел такую скорость и поворотливость, что стать к нему лицом для стрельбы на “Буазене” было невозможно. Сняв пулемет-ружье “Люиса” с его установки, Марков отстреливался с руки и немец ушел. В “Буазене” было много пулевых пробойн.

Железнодорожная станция Маневичи, где помещался и Штаб, была разгрузочной для нас. Немцы это знали и, почти ежедневно налетая целыми эскадрильями, два раза произвели пожары поездов со снарядами, причем бывали убитые и раненые. Мы наши палатки отодвинули в лес и хорошо замаскировали, а сами жили в ящиках от аэропланов.

3-го августа полетел я с Михайловым. Разведка была близкая, поэтому набрали высоту кругами над аэродромом. Далеко впереди я увидел три аэроплана, посмотрел в бинокль — немцы. А Михайлов показывает мне вправо — еще три-четыре, взглянул влево — еще группа.

Вижу, что на разведку лучше не идти, сбросив свои бомбы, они пойдут за нами, а иметь бой над их территорией — плохо. Спускаться стыдно и я решил сделать то, что не удалось над Луненцом: защищать станцию от бомбардировки. Меня интересовал лишь один вопрос, не сопровождает ли их истребитель? Тогда будет труднее.

Посмотрел вниз на аэродром, не поднимается ли еще кто нибудь. Нет, стоял на старте один аппарат и того заводят в палатку.

Говорю Михайлову: “На разведку не пойдем”, — он крутит отрицательно головой. “Так будем защищать станцию”. Утвердительный кивок. Вот почему я любил летать и с ним, и с Кравцовым, они безоговорочно исполняли, что я скажу.

“Слушай, держи на того, кого я покажу, и, как

только я положу тебе руку на плечо, сейчас же поворачивай на станцию и жди моего знака”.

У нас была высота около 1.000 метров, они были значительно выше. Вижу перед нами группу, указываю на переднего. Еще далеко, начинаю стрелять, выпуская по 2-3 патрона, их надо беречь, у меня только три обоймы по 47 патронов. Вижу, что немец постепенно поворачивает. Это было то, на что я и рассчитывал, т. к. сойдя с линии прицеливания, он уже не мог попасть в станцию, для этого ему понадобилось бы начинать сначала, сделав круг. Кладу руку на плечо Михайлову и мы опять над станцией.

Идет следующий, он ниже, ближе к нам. Этот сразу поворачивает... Ага, подействовало, неприятно получить пулю в пузо. Над его бортом появляется пулемет, но на мой знак Михайлов круго поворачивает и мы быстро расходимся.

Сколько раз так повторялось, сказать не могу, я уже поставил последнюю обойму и в ней оставалось мало патронов, мешок под пулеметом полный гильз мешал мне, но, наконец, все немцы ушли, не сбросив ни одной бомбы. Подождав еще немного, мы ушли.

Приехал офицер из Штаба с вопросом Командующего Армией “Кто летал?” и на другой день в приказе по Штабу Армии была объявлена благодарность мне и унтер-офицеру Михайлову.

Это был мой последний полет.

Все это было давно и ушло вместе с задором молодости. Теперь изредка встречаясь с военным летчиком С. Т. Марковым, мы вспоминаем все вместе пережитое в дорогом нашему сердцу 31-м Авиационном Отряде.

Меня уже тянуло назад в свой основной род оружия — в артиллерию и с разрешения Великого Князя Александра Михайловича, Шефа Авиации, я поехал в Ставку к Генерал-Инспектору Артиллерии Великому Князю Сергею Михайловичу.

В Могилеве на улице меня обогнал экипаж с Великим Князем. Я стал во фронт. Обладая отличной памятью, он помнил меня, как офицера Училища, и, в своем кабинете, встретил меня словами: “А, явились таки, что? надоело летать?”. “Потянуло к пушкам, Ваше Императорское Высочество”. “А где же палочка?” (на улице я шел с палочкой, нога все еще иногда шалила). “В прихожей, Ваше Императорское Высочество”. “Что же вы хотите?” и я изложил свою просьбу. “А на седло сядете?”. “Сяду, Ваше Императорское Высочество, я уже стремя приспособил.” “Хорошо, сейчас как раз освободились две батареи. Какую вы хотите?”. И я просил первую, которую он назвал. Судьба моя опять повернулась.

8-го октября Высочайшим приказом я был назначен командиром 1-й батареи 1-го Горного Дивизиона с переименованием в подполковники, как капитан Гвардии.

На традиционных проводах в Офицерском Собрании, уже в своей старой форме Конной Артиллерии, с бокалом вина в руке, я простился с родным Учи-

лицем и поехал искать свою батарею, которая была где-то в Карпатах в составе 3-го Конного Корпуса гр. Келлера.

По дороге захотелось проститься со своим Отрядом. Нашел его у м. Рожище. Командир был уже новый, поручик Легат и состав летчиков переменялся. Получены и новые аэропланы, но глаза мои невольно искали старый, милый "Буазен". Вспоминаю теперь всех летчиков, которых знал, этих смелых людей. Они

сначала, пути жизнью, увлекались, как спортом, Авиацией, а на войне доблестными офицерами были глазами Армии.

С благодарностью вспоминаю тех, кто показал мне всю красоту полетов, и, преклонив голову, поминую тех, кто, служа Царю и Родине, отдали свои жизни. Их подвиги не забываются. Слава им!

М. М. Чайковский

Лагерь строевой роты Владимирского Киевского Кадетского Корпуса

1891 и 1892 ГОДЫ

(ОКОНЧАНИЕ).

А вот приведу и другой случай. Рота во взводной колонне справа проходит вдоль опушки кадетской рощи с густым кустарником, шагах в 80 от опушки. Вдруг подполковник Коваленко очень высоким голосом дает задачу: "Неприятельская пехота атакует роту из кустов". Эта была единственная задача за весь лагерь, которую полковник Матковский не решил.

Он, видимо, растерялся, очевидно думал о другом. Спустя примерно четверть минуты, он подал команду: "Рота, стой" и сказал: "Господа, я сейчас знаю, как решить задачу, но это уже поздно. А как по вашему надо было решить?"

Рота хором и дружно ответила: "На право — ура".

Командир роты: "Отлично, господа. Спасибо за решение".

Мы: "Рады стараться, господин полковник".

Командир роты: "Стоять вольно. Оправиться".

Этот случай резко подчеркивает, что мы все в строю "думаем", а не были автоматами.

Пройдя курс ротных уставных учений, мы перешли к учениям тактическим. О том, что тактика преподается в военных училищах, мы даже не думали. Чему же мы под руководством полковника Матковского научились по этой части?

Говоря кратко, очень многому.

Мы изучили боевой порядок или боевые действия роты при обороне и при атаке: 1. На ровной и открытой местности, 2. На пересеченной и закрытой местности, а равно: 3. Особенности боевых действий при занятии, обороне и атаке разных местных предметов. Этому последнему содействовала окружающая лагерь местность.

Пшла энергичная подготовка роты. Лагерь через неделю кончался.

В один из последних дней июня месяца рота, выйдя в поле, разошлась по взводу на учение, взвод от извода на довольно большое расстояние. В то время, как взводу было дано "вольно-оправиться", один из кадет нашего 2-го взвода, обращаясь к командиру взвода, говорит: "Господин подполковник, генерал Драгомиров идет к нам".

— Где?

"А вот с той стороны", — при этом указывает на сторону противоположную той, откуда его можно было ожидать. Командующий Войсками был шагах в 200 от нас.

Взводы бегом бросились к командиру роты, где успели стать в развернутом строю, как полагалось для встречи. Генерал Драгомиров шел один, в кителе, при шашке, опираясь на палку (он был ранен в ногу в 1878 году при переправе русских войск через Дунай под Сисловым).

Когда Командующий был в 100 шагах, командир скомандовал роте "Шай-на-кра-ул", взял шашку подвысь и направился к генералу Драгомирову, последний-же, находясь еще в шагах 50-ти от левого фланга роты, зычным голосом сказал: "Только не лайте, кадеты, как собаки".

Мы поняли. Дело в том, что в некоторых военных округах было принято отвечать на приветствие, произнося последний слог громко, ясно и делая на нем ударение, например: "Здравия желаем, Ваше Превосходитель-СТВО". Драгомиров же требовал последний слог почти проглатывать: "Здравия желаем, Ваше ПРЕВОСХОДИТЕЛЬ-ство".

Нам кадетам не приходилось переучиваться, так как мы всегда так отвечали.

Приняв рапорт, Командующий поздоровался с нами и, выслушав наш ответ на приветствие, сразу же похвалил нас: "Хорошо умеете отвечать". — Рады стараться, Ваше Превосходительство.

С "на караул!" взяли на плечо, а с плеча к ноге, как полагается по уставу.

Командующий Войсками предложил командиру роты начать учение по его усмотрению. Командир роты показал ружейные приемы, повороты, вздваивание и выстраивание рядов на месте. Потом перешел к ломке строя и к построению колонн на месте к стороне фронта и к стороне фланга.

Во время ружейных приемов Драгомиров приказал командиру роты подать неуставную команду, по исполнению которой нас снова похвалил, но, когда мы

исполнили в разное время три неуставные приема, то Драгомиров сказал: “Скверно, кадеты”. Мы смущались, “скверно, повторяю, так как слишком чисто выходит у вас, видно этим вы только и занимались”. Это было не верно, мы это изредка делали.

Далее Драгомиров приказал перейти к движению роты и к построениям и перестроениям на ходу. Все делалось, как всегда на учениях, отлично. Драгомиров снова нас похвалил раза два-три.

После остановки и краткой передышки, во время которой были вызваны офицеры к Драгомирову, снова продолжался смотр, причем ясно слышали, как Драгомиров приказал построить взводную колонну справа на месте (к стороне фронта). Команд тогда произносилось много и мы все их отлично знали.

После команды командира роты, командиры взводов, кроме одного лишь, подали команды, совершенно не относившиеся к построению.

Все команды были без единой ошибки исполнены, что привело Командующего в хорошее состояние духа и он нас особенно благодарил.

При движении генерал Драгомиров требовал обязательно указывать направление, что в районе смотра роты не представляло никаких затруднений, благодаря наличию массы ориентировочных предметов (колокольни, трубы, шпицы, деревья). Нужно же было так случиться, что в один из моментов, когда рота была повернута в сторону Командующего, последний стоял на фоне неба и ни одного ориентировочного предмета не было. Матковский нашелся: “направление на точку стояния (математик) Его Превосходительства”. Драгомирову опять это очень понравилось.

Во время смотра и всякого рода перестроений и движений Драгомиров все время давал задачи командиру роты, каковые все были исполнены безукоризненно.

Здесь нечто вводное: дело в том, что при решении задач против конницы, когда время измеряется 1-2-3 минутами, основными требованиями подлежащими исполнению были:

1. Когда указано направление атакующей конницы, прежде всего поставить часть лицом к противнику.

2. Принять в кратчайший срок такой строй, из которого можно было бы принять участие в отражении атаки огнем всем, или возможно большему числу людей.

3. Успеть дать 2-3 залпа для отражения атаки.

4. Если конница отбита, то преследовать ее огнем — несколько залпов, а, если конница наскочила, то принять такой строй, чтобы все или большее число людей ошестинилось бы против нее и

5. После исполнения задачи перейти в прежний строй и продолжать движение.

По исполнении первой задачи Командующий Округом спросил командира роты, почему кадеты только щелкали затворами, а не стреляли. Командир роты ответил, что кадетам отпуска патронов не положено.

Драгомиров: “Ну, так я вам в следующем году привезу патроны. Да вы, пожалуй, и конной атаки не видели”.

Командир роты: “Никак нет, не видели, Ваше Превосходительство”.

Драгомиров: “Ну, так я вам и конницу приведу”.

Смотр продолжался наступлением роты в боевом порядке и атакой высоты.

Сам Драгомиров шел с кадетами, на губах наигрывал сигнал “к атаке”, который подхватили сигналисты и барабанщик.

Закончился смотр атакой полевого укрепления. Смотр продолжался 2 с половиною часа. За это время нам очень давали мало времени “оправиться”, но мы не чувствовали себя усталыми, благодаря общению с таким выдающимся военачальником.

Внешность Драгомирова: он был похож на одного из казаков картины художника Репина “Ответ Запорожцев турецкому султану”. Рост выше-среднего. Малороссийские усы книзу. Плотный, глаза умные. Речь короткая, резкая и незабываемая. Это был очень строгий инспектор. Он, видимо, остался весьма доволен смотром и уехал домой.

Через неделю нас кадет уволили в отпуск на летние каникулы. Находясь в отпуску в деревне, я в половине июля получил из корпуса пакет с приказом Драгомирова по поводу смотра нашей роты. Приказ был короткий, всего четыре строчки. Приказ гласил:

“Числа, месяца июня, я произвел смотр строевой роте Владимирского Киевского кадетского корпуса. Кадеты на приветствие отвечать умеют. Ружейные приемы, повороты, ломку фронта, перемену направления, построения и перестроения на месте и в движении делают хорошо. Но что особенно обращает на себя внимание, это то, что кадет научили в строю думать, а не быть автоматами”. Командующий Киевским Военным Округом, Генерал-Адъютант, Генерального Штаба Генерал-Лейтенант Драгомиров.

Этот приказ я хранил до последних дней пребывания в России в одном из томов сочинений Драгомирова.

Последняя фраза приказа взята мною в виде эпиграфа к настоящей статье.

В 1892 году опять, в конце июня месяца, Драгомиров сделал смотр строевой роте, но уже по иному. За неделю был указан день, час и место смотра. Форма одежды — парадная в мундирах.

В указанное время, к месту прошлогоднего смотра, где была построена рота в развернутом строю, подкатило несколько экипажей с разными начальствующими лицами. В первом экипаже сидели: Командующий генерал Драгомиров, его помощник генерального штаба генерал-от-инфантерии Троцкий, какой то полковник генерального штаба и адъютант Командующего 132 пехотного Бендерского полка штабс-капитан граф Ржевусский. Кто был из чинов Штаба в других экипажах, я не знаю, да они меня и не интересовали.

Когда сидевшие вышли из экипажа, солдаты вынесли оттуда ящики с патронами, которые несли к строю. Патроны были розданы кадетам, кажется по 60 штук, а то и больше.

Это нам понравилось.

Смотр в общем начался по прежнему, но мне припоминается тот факт, что при ломке фронта и перестроениях роты, рассчитанной по военному составу, Драгомиров указывал командиру роты, какого рода захождения частями делать. При этом умышленно, или случайно здорово перепутал фланги. Надо было распутывать.

Драгомиров приказал это сначала сделать командиру роты, а затем добавил: “Я запугал, я и распутую. Слушать мою команду”.

Когда был восстановлен развернутый строй, то оказалось, что нигде ни разрыва, ни сжатия не было. что явилось результатом верного держания направления 16-ти отделений в разные стороны. Драгомиров здорово за это нас похвалил.

Перешли к решению задач по прикладному уставу.

В этом году Драгомиров ни слова не говорил, а противник (конница) появился для нас совершенно неожиданно. Особенно эффектно получилось первый раз. Вдруг видим, что пол-эскадрона в разомкнутом строю нас атакует с фронта. Картина красивая. Атака отбита залпами. Не успели тронуться, как другие пол-эскадрона атаковали нас с тыла. Атака отбита. Оказалось, что Драгомиров привел два эскадрона, заранее сделал указания, откуда атаковать и, видимо, кто-то из штабных давал условный сигнал для атак. Все атаки были отбиты.

Но вот, что произошло при одной из атак:

Какая дистанция, не скажу теперь, одно лишь скажу, что дистанция была короткая, а когда появился противник, Драгомиров почему-то решил, что командир роты вряд-ли успеет принять меры для отражения атаки и громко крикнул: “Слушай мою команду”. Отбил он ее так, как я мысленно, да и не я один, а многие из нас так думали. Я был удивлен чрезвычайно.

Самого решения я здесь не привожу, потому что для того, чтобы оценить его, надо знать устав 1881 года. Тогда только вполне ясно можно ощутить разумность требований, которые Генерал Драгомиров предъявлял войскам.

Далее наступление роты. В конце же был для Драгомирова сюрприз: переправа через большое и глубокое озеро в “Липках”.

Порядок: быстро был сделан плот, на котором винтовки были составлены в козлы и сложена аммуниция. Лучшие пловцы тянули плот, а худшие подталкивали его сзади, а, вернее, держались за него.

Плот был пущен в ширину озера, а остальные кадеты поплыли в длину озера шеренгами по 10 человек на дистанции 25-30 шагов одна от другой. По бокам две лодки.

Как и в прошлом году, Драгомиров отдал приказ

по округу о произведенном смотре. Приказ не многосложный, но раза в три обширнее первого. Дословно его не помню, но только суть его:

Стрелковая рота Владимирского Киевского кадетского корпуса в строевом и тактическом отношении подготовлена отлично. Прикладной устав усвоен так-же, все задачи решены против настоящей конницы, части которой появлялись совершенно неожиданно на близкой дистанции. Патроны доставлены роте мною. Переправа роты через большое озеро произведена отлично. Объявляю благодарность от лица службы командиру роты полковнику Матковскому.

Указанные два лагерные сбора в кадетском корпусе дали нам кадетам очень много. Лично о себе скажу, что я хотя и не был вице-унтер-офицером, но строевой устав в части касающейся ротного уставного учения и боевого порядка роты я изучил. Что же касается тактических ротных учений, то я и этому научился. Только в корпусе, невзирая на то, что в военном училище их было целых 11 за лагерь.

Заслуга во всем этом исключительно полковника Матковского.

В 1892 году, 26 августа выпускные кадеты отправились в военные училища.

На этом, однако, нельзя остановиться, говоря о полковнике Матковском. Я считаю своим долгом сказать еще несколько слов о лагере кадет Владимирского Киевского кадетского корпуса. Драгомиров в 1893 году делал третий раз смотр.

Результат смотра был для всех, а особенно для П. И. Матковского, совершенно неожиданный.

По окончании смотра генерал Драгомиров, в присутствии всех начальствующих лиц, благодаря полковника Матковского за отличную подготовку роты, предложил ему принять любой полк в Киевском Военном Округе.

Полковник Матковский, благодаря Командующего Округом за лестную оценку его работы, имел гражданское мужество отказаться от предложенной чести. Он сказал:

“Ваше Высокопревосходительство, я очень тронут вашей оценкой моей работы, но принужден отказаться от предложенной должности, так как я по существу глубоко нестроевой человек и совершенно не знаю хозяйства”.

Драгомиров: — Полковник, уж представьте мне судить о том, насколько вы человек строевой, а хозяйство вы сумеете постигнуть в самый краткий срок.

Матковский: “Ваше Превосходительство, я ведь педагог и математик. Педагогическая деятельность — моя сфера работы, а потому еще раз благодарю вас и решительно не считаю возможным быть командиром полка”.

Драгомиров: — Полковник Матковский, я не настаиваю, чтобы вы выразили свое согласие немедленно, а прошу вас подумать и не стесняю вас сроком

ответа. Повторяю, любой полк предлагаю, когда захотите.

Теперь, я думаю, что полковник Матковский обрисован вполне. Сослуживцы его говорили ему: “Ну, как же вы отказались от предложения Драгомирова, ведь перед вами открывалась редкая для воспитателя карьера по службе”. Матковский ответил: “Ну, какой же из меня может быть строевой командир? Никто не знает, как трудно бывало мне давался лагерь за шесть недель. После каждого ученья, я чувствовал себя совершенно разбитым, должен был ложиться на кровать и поднимать ноги выше головы, так отекали ноги. Нет, я в строевые не гожусь”.

Такие люди, как Матковский, занимают должное место в истории своего заведения.

Впоследствии, не помню с какого года, лагеря для кадет были упразднены. А жаль, очень жаль. Ко-

нечно, всюду дело не могло быть, поставлено, как в нашем кадетском корпусе того времени за отсутствием Матковских, но все-же лагеря приносили большую пользу для кадет.

Из отделов обучения в лагере я лучше всего усвоил:

1. Сведения обязательные для рядовых; 2. винтовку, которую изучил полностью (согл. II ч. Наст. для обуч. стр.), а не по программе, 3. ротные учение, уставные и особенно тактические.

В этом году — 1962 — исполняется 60 лет со времени окончания мною Владимирского Киевского кадетского корпуса, но все описанное стоит передо мной, как будто ныне совершающимся.

Кадет выпуска 1892 г.

Евгений Булюбан

Я Ш К А

Это маленькое происшествие произошло в далекой, заброшенной крепости Кушке на самой афганской границе. Наш саперный батальон пришел туда в 1913 году на маневры.

В пять часов утра мы уже шли в “саперный городок”, где каждая рота производила всевозможные работы: саперы рыли укрепления, окопы и батареи, делали искусственные препятствия, строили наблюдательные вышки, мосты, убежища. Минеры и подрывники производили взрывы и на земле, и под землей, и в воде, от которых дрожала земля. Слышно было и “Дубинушку”, это забивали сваи для моста через реку Кушку. Телеграфные роты рассыпали по выжженным, коричневым горам свои гелиографные станции и в глазах рябило от их лучей.

Солнце высоко в синем небе обливает все и всех ярким палящим светом. Но ко всему привыкаешь: и к туману, и к морозу, и к жаре. Бухают взрывы, стучат топоры, суетятся саперы и время от времени бегут к боченкам с водой, которые каждой роте привозят их ротные ослики.

Герой моего рассказа длиннотухий серый Яшка мирно пасется на краю участка своей первой роты.

Недолго до конца утренних запятий (десять часов утра) из ворот крепости выехала коляска и направилась к городку — это командир Второго Туркестанского саперного батальона полковник Т. едет осматривать работы; он кавказец и в батальоне совсем недавно. Яшке он положительно не нравится из-за суетливости, шумливости и неприятного твердого говора. Он, правда, не имеет отношения к командиру и не обратил бы на его приезд особенного внимания, если бы не пришло его время начать обычную ослиную переключку. Как известно, ослы кричат каждый час; один начнет, а все остальные дружно подхватывают.

Так случилось и в этот раз. Полковник вышел из

экипажа, направился к первой роте и поздоровался с замершими по команде “Смирно!” саперами. Но конец его приветствия и ответ сапер потонули в ослином реве. Полковник Т. страшно рассердился: “Сапер! заткни ему рот!” кричит он, указывая на Яшку. Но заткнуть рот Яшке было трудно; он был удивлен и испуган таким страшным обращением и продолжал реветь изо всей своей ослиной мочи.

Командир роты капитан К. получил замечание за то, что у него в роте нет порядка. Но полковник уехал, все немножко посмеялись над неожиданным происшествием, разошлись по своим местам и забыли о нем. Все, кроме обиженного Яшки.

На другой день он, как всегда, привез воду и пасся на своем обычном месте. Но время от времени он переставал щипать траву и стоял, задумавшись, очевидно, перебирая в уме случившееся вчера. И чего это на него обрушился командир? Яшке, хотя полковник Т. и приходился ему, до некоторой степени, земляком, он был не по душе.

“Никак не подходит ни к нашему славному батальону, ни к лихой первой роте, где все саперы молодец к молодцу — не то, что он замухрышка”, размышляет Яшка.

“Кипятится чего-то, кричит все время, а понять его ни я, Яшка, ни саперы толком не могут. Коверкает язык на свой лад, мягкого знака не признает и выходит “балпой”; вместо “а” говорит “э”, а вместо “и” шестьдесят один (“ы”) вставляет. Господа офицеры и то руками разводят на такую грамматику, но он командир — приходится не замечать”.

“К тому же, где это видано, чтобы из-за пустяков крик поднимать и ругаться. Я, Яшка, ведь тоже не последняя особа в первой роте. Это только старые саперы зовут меня по дружбе “Яшкой”, а молодые говорят ласково “Яша”, кое-кто даже и по имени-отчеству величает.”

“Шамсудинов, из казанских татар, мой самый лучший друг не только кормит и поит меня; он каждый день половину своего сахара мне отдает, да еще и другие есть приятели, готовые поделиться. Да, и сам капитан К., проходя мимо, обязательно за ухом почесет. А тут такая грубость вдруг! Так спокойно было без него; когда этот новый командир появился, одна неразбериха пошла. Никчемный человек полковник, не подходит он к туркестанским саперам.”

Сделав такое заключение, Яшка продолжал дальше мирно щипать травку, а все-таки, от времени до времени, поглядывает на пыльную дорогу в крепость.

Командирскую коляску зоркий Яшка заметил сразу, как только она выехала из крепости, и насторожился. Как и вчера, маленький нетерпеливый полковник выпрыгнул из экипажа и на ходу крикнул: “Здорово, братцы!” Но и на этот раз не то со страху, вспомнив вчерашнюю обиду, не то опять время подошло, заревел во все свое ослиное горло Яшка. С ответом сапер получилось совсем плохо: кто ответил, а кто нет, а кто так и остался с разинутым ртом.

Полковник был вне себя, затонал ногами и красный от гнева умчался в крепость. Капитан К. получил второй выговор за то, что рота не умеет отвечать и что у него нет никакого порядка. Теперь уже было не до шуток: была задета честь роты. Озадаченный капитан К. не знает, что тут делать и, как всегда в подобных ротных затруднениях, зовет подпорщика Мамонова, которого как раз не было при роте в эти злосчастные дни.

Подумал Мамонов и говорит: “Не извольте беспокоиться, Ваше Высокоблагородие, все будет в порядке!” Капитан К. успокоился. Так как знал, что подпорщик на ветер говорить не станет; а мы все с любопытством ждали: что же это Мамонов придумал. На следующий день, как обычно, идем мы на свои занятия, расходимся по своим участкам и только посматриваем на крепость: когда появится наш командир.

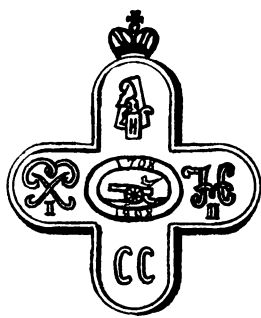
Показалась, наконец, коляска, подъехала к первой роте, слышим и командирское гортанное “Здорово, саперы!” Как один человек, отвечает рота “Здравия желаем, Ваше Высокоблагородие!” а Яшка безмолвствует, как воды в рот набрал..

Полковник шутит с капитаном, смеется, говорит какой у него везде порядок и сияющий уезжает к себе в штаб батальона.

Ну, мы все, конечно, к капитану К.: что же это Мамонов устроил? Оказалось вот что: по его, Мамонова, наблюдениям, Яшка, как каждый порядочный осел, чтобы начать кричать обязательно должен поднять хвост. Поэтому было назначено два расторопных сапера: один с двумя кирпичами и веревкой, а другой махальным наблюдать за дорогой. Как только полковничья коляска выехала из крепости, к хвосту Яшки были крепко привязаны два кирпича и... молчал Яшка, пока не отвязали их.

Все великие открытия обычно очень просты, но для этого надо быть Христофором Колумбом или подпорщиком Мамоновым.

Е. Васильев

„ТАБАЧЕК“

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОГО УЛАНА)

*Табачек дорогой, табачек золотой,
Его курит солдатик порой.
Он всю ночь просидел, табачек все курил,
Сам наутро в бой пошел...*

(Из старой солдатской песни).

Глубокая осень 1915 года. После непрерывных боев, прикрывая вначале отход пехоты из под Владимира-Волынского — Ковеля, потом выполняя самостоятельно данную ему задачу в назначенной полосе, 3-й уланский Смоленский полк отошел в Пинские болота, задержавшись на короткое время на речке Стоходе, в районе деревни Ново-Черевеице и местечка Любешова.

Немцы, очевидно уже выдохнувшиеся, но все еще под впечатлением своих успехов, упорно добивались выйти на линию речки Стохода, что им в конце концов и удалось. Немецкая пехота, выйдя на Стоход, заняла Ново-Черевеице и Любешов и остановилась, выдвинув вперед усиленное сторожевое охранение.

Фронт как будто бы замер, но усиленная разведка, сопровождаемая местными стычками, иногда довольно серьезными, происходила непрерывно.

Местность в этом районе была тяжелая: сплошной лес с местами непроходимыми болотами, между ними, как островки, песчаные холмики-поляны и болотистые речушки. От непрерывных дождей все было залито водой. Немногочисленные бедные деревушки, разбитые артиллерийским огнем и наполовину уничтоженные пожаром, дополняли печальную картину. Цель немецких усиленных разведок была — занять более благоприятные для обороны местности, чего они очевидно в скором времени и достигли, так как боевые действия почти что совсем прекратились.

Вместе с этим и наш фронт приобрел определенное очертание. Сторожевое охранение организовалось по правому берегу речушки Веселухи, между Стоходом и Стырем, упираясь правым флангом в реку Припять с ее обширными болотами. Среди лесов, болот и топей были выставлены сторожевые заставы и посты в весьма неприветливых условиях. Одна из этих застав, выпавших на долю Смоленских улан, находилась у деревни Храпин. Деревушка, расположенная на небольшом песчаном островке, была сожжена, а на опушке леса, каким то чудом уцелевший домик лесника был местом постоянных “раздоров” между немцами и нами, ревниво оберегавшими его “нейтралитет”. Всем заставам пришлось обосноваться в шалашах, ибо землянки уже при их постройке немедленно же наполнялись водой.

Октябрь месяц выдался дождливый и неприветливый, холодный и сырой. Полковой обоз 2-го разряда стоял за линией железной дороги Луинец-Сарны в деревушке Давид-Городок, более ста верст от нашего штаба полка, расположенного в деревне Локница. Вследствие бездорожья, снабжение происходил весьма неравномерно, с “перебоями”. У местных же жителей, бедных “пинчуков”, почти ничего нельзя было достать. Все же, благодаря заботам эскадронных командиров на питание жаловаться было нельзя и солдатские щи были вполне удовлетворительны.

Вернувшись как то раз после смены с Храпинской заставы, я докладывал командиру эскадрона о прошедшей сторожевке. Последняя была на сей раз спокойная, но длинные ночи и непрерывный дождь заметно понижали солдатское настроение. К тому же вдобавок не было “курева”. Уланы изощрялись курить сушеный мох, кору и подобную дрянь, кроме крепких русских словечек, не дававших никакого удовлетворения. “Эх, затянуться бы разок”, — слышались постоянно печально повторявшиеся слова. И на сей раз, разговаривая с командиром эскадрона, я упомянул ему об этом. “Плохо, Алексей Георгиевич, курить нечего, люди изнывают. Сегодня ночью я свои последние папиросы пораздавал людям, а это ведь капля в море. Теперь и у меня ничего нет, когда то придет посылка из Петрограда.”

Задумался Алексей Георгиевич, задумался серьезно, так как и у него уже “курево” было на исходе.

Вдруг, вскочив со скамейки и ударив себя по колену, он как то радостно заявил: “А знаете что, Павел Степанович, не послать ли нам пару человек за табачком, в Гомель? Недалеко, а там наверное, если пошукать, чтонибудь найдется. Денег у нас в эскадронной кассе уйма, куда с ними. Как это я раньше не додумался до этой простой вещи”. И недолго думая, он приказал позвать старшего унтер-офицера Воробьева — на все руки мастера.

Пока звали Воробьева, я сказал ротмистру Бычкову: “А знаете что, Воробьев то Воробьев, он и из под земли вытяжит что нужно. Но не дать ли ему в помощь ефрейтора Минакера? Гомель городок еврей-

ский и там махорки наверное достать можно. Но, ведь, сегодня всякий ее жаждет. Гомель в прифронтовой полосе, сегодня большой узловой пункт, там проходит масса солдат, там лазареты и т. п. А еврейские купчики в ожидании больших доходов наверное поприпрячут про запас махорку и табак. Минакер еврей и ему со своими сородичами легче будет справиться, чем Воробьеву”.

“Вот отличная идея, Павел Степанович”, — сказал ротмистр Бычков — “позвать мне и Минакера”.

Минакер был, действительно, еврей, каким то чудом попавший по призыву в уланский полк, старослужащий улан, должен был осенью 1914 года уйти в запас. Еврейского однако в нем было очень мало. Он был храбрый солдат, имел уже два Георгиевских креста, был исполнительен, отчетлив, хорошо грамотен и произведен уже в ефрейторы.

Спустя немного времени явился Воробьев и Минакер. Ротмистр Бычков объяснил им их задачу поехать в Гомель и закупить для эскадрона махорки, а, если достанут, то и папирос, и табаку. “Поедете верхом, лошадей оставите в обозе 2-го разряда, а, вернувшись обратно, возьмете с разрешения начальника обоза поручика Чарноцкого фургон из обоза, чтобы все привезти сюда. Да смотрите, поторанивайтесь”. “Постараемся, Ваше Высокоблагородие, с пустыми руками не вернемся, чего либо завсегда достанем. Уж больно люди измучились без курева.”

Меня командир отправил в штаб полка к адъютанту, чтобы получить командировочные документы и этим же вечером Воробьев и Минакер отправились в Гомель за табачком.

Моноotonно и нудно тянулись дни под серым небом и непрерывным осенним дождем, как туманом заволокшим всю местность. Тоскливому сидению на Храпинской заставе как будто бы и нет конца. Но надежда, что вот вот привезут так долго жданный табачек, помогала терпеливо переживать эти нудные дни.

Немцы, очевидно, тоже поднав под “меланхолию” погоды, не шевелились, никакой разведки, вообще никакого движения на их стороне нашими секретами замечено не было. Да и какая могла быть теперь разведка, когда вся местность была залита водой, представляя из себя нечто вроде большого озера с песчанными, покрытыми кустарниками и лесом островками! А наша Веселуха из речушки превратилась уже почти что в реку.

Иногда, когда ветер дул с запада, были слышны звуки пилы, падение деревьев и глухие удары топоров. Очевидно, немцы рубили лес и возводили проволочные заграждения. Только уже зимой, когда подмерзли болота и все покрылось льдом и снегом, нашим разведчикам удалось установить “какую работу” произвели немцы. Но об этом в следующий раз.

В томительном ожидании прошла неделя, настал ноябрь. Прошла и вторая, и на исходе была и третья,

а о Воробьеве и столь желанном табачке не было ни слуху, ни духу.

Неожиданно на четвертой неделе, в один особенно дождливый и бурный день, под вечер явился мокрый и грязный Минакер и с сияющим лицом доложил командиру эскадрона, что табачек едет, “только уж больно лошади измучились и не везут больше. Господин унтер-офицер Воробьев просит прислать пару лошадей на помощь, бо фургон очень чижолый, а дороги как бы и нет, грязь непролазная и воды много. Осталось всего верст 10-12, да река Стырь так разлилась, что и мост под водой”.

Ротмистр Бычков распорядился немедленно же выслать одну телегу и две пары обозных лошадей.

Наконец на следующий день, после обеда, долгожданный табачек прибыл и подводы, окруженные зубоскалами-уланами, торжественно въехали во двор халупы командира эскадрона.

Уланской радости не было конца. Да и было чему радоваться: пять больших и солидных ящиков с прекрасной, еще мирного времени, махоркой “полукрупка Швинцент”, на пачках которой весело красовался гусар в красных чакчирах. Один ящик был с табаком Богданова, высший сорт “А”, и папиросами различных марок и “Фру-фру”, и “Трезвон”, и “Добрый молодец” — 5 копеек 20 штук. Один ящик был с уланскими поручениями.

Только благодаря “связям” Минакера с гомелевскими “купцами” и его “дипломатическим способностям”, обоим молодцам удалось достичь столь благоприятных результатов, исполнить сотню различных мелких уланских поручений, а командиру эскадрона даже привести в подарок бутылку прекрасной пейзаховки.

В виду того, что от Гомеля на Пинск была только одноколейная железная дорога и в прифронтовой полосе ходили исключительно только эшелоны со снарядами и интендантскими грузами, то нашим обоим молодцам пришлось потратить много времени, ловчась с эшелона на эшелон, пока они добрались до Лунина, а оттуда на подводах до обоза 2-го разряда. Семь тяжелых ящиков давали себя чувствовать. Ротмистр Бычков приказал табачек передать эскадронному каптенармусу и выдать всем уланам по пачке махорки. В дальнейшем уланам выдавалась еженедельно четверка, а по воскресеньям еще пачка папирос.

Ну и задымил Полесье, распространяя ядреный запах тогдашней прекрасной махорки! Настроение у всех значительно поднялось и долгие ночи на Храпинской заставе проходили как-то незаметно. Да, табачек дорогой, его курит солдатик порой!

П. С. Бассен-Шпиллер

К о р п у с н о й п р а з д н и к

Сегодня подъем в 7 часов, но многие уже проснулись раньше. Лежат с открытыми глазами, шопотом разговаривают. В окна льется светлое майское утро. Настроение приподнятое и даже торжественное. Да так оно и должно быть. Сегодня корпусной праздник, парад, вечером бал... Но не это главное. Главное то, что вчера вечером приехал Великий Князь. Мы его еще не видели. Он будет принимать парад. Какая радость!

У каждой кровати на тумбочке выложены за ночь каптенармусом новая, лоснящаяся гимнастерка, отутюженные парадные брюки и пара новеньких погон... Нет, не спится! Когда горнист играет подъем, все уже на ногах.

До сияния начищаются пуговицы, бляха, сапоги. Затянутые в струнку кадеты строятся к утренней молитве и идут к чаю. Идут по лестнице осторожно, на носках. В директорском кабинете спит Великий Князь. В 9 часов идем в церковь. Вся она в свежих весенних цветах. Престольный праздник. Святых Кирилла и Мефодия... Стоим молча, ждем. Вот внизу, в вестибюле раздалось пение — “Исполза-ете-де-спота”... Приехал архиерей. Торжественно вводят его в алтарь и сейчас же наш батюшка поспешно вы-

ходит с крестом. Нам обернуться нельзя, но мы знаем, что в церковь вошел Великий Князь.

Архиерейская служба томительна и долга. Сухенький старичек поет тоненьким, слабым голосом, зато контр-октавный рык протодиакона вызывает у кадет почтительное уважение. Но вот, наконец, “Многая Лета” и мы видим Великого Князя, подходящего ко кресту. Он все тот же... Неизменный, восторженно любимый!...

Быстро расходимся по ротам. Младшие за фуражками, первая рота “в ружье”. Выходим на плац и строимся в открытое каре. Как все радостно! Теплый, майский день. На небе ни облачка. Пахнет сиренью, акацией и... духами. Как же иначе? Справа от парадного входа построены трибуны и на них огромная, колышущаяся клумба белых платяев, белых широкополых шляп с целыми грудями цветов, по тогдашней моде. Это жены и дочери наших воспитателей. Между ними кое где блестят узкие золотые погоны наших штатных преподавателей. В белом сюртуке “маленькое превосходительство” — статский советник И. В. Каменский, преподаватель истории и географии. В полной парадной форме старый генерал, постоянный прихожанин нашей церкви. Фамилии его

почему то никто не знает, но все знают, что его грудь вся орденах и между ними, кроме Белого Орла, есть еще и совершенно для нас непонятный — Красного Орла. Воспитатель когда то объяснил, что это прусский орден, но за какие заслуги его носит русский генерал — неизвестно. Тут же, портя весь ансамбль, выпирая своим жирным брюшком, черными усами и маслянистой головой, от которой его воротник всегда засыпан перхотью, важно стоит, ненавидимый всеми кадетами, преподаватель математики Лазарь Дмитриевич Ханакадоцуло. Ростом он не больше, чем под ранжир 4-ой роты, зато рядом стоящая его жена, могла бы быть правофланговой в 1-й! Когда он впервые ввел ее в зал на один из наших корпусных вечеров, через пять минут Корпус облегло прозвище — Ханака-до-полу и Ханака-до-потолка.

Правее белой клумбы колыхнется второй цветник. Здесь уже попроще, но зато красочнее. Шуршат новые ситцевые или сатиновые платья жен наших служителей, поваров, хлебопеков, портных... Барышнями на высоких каблучках группируются горничные наших офицеров. Все радостное, все веселое, все дышит маем и торжеством нашего высокого гостя и хозяина. И третий цветник пестрых красок обрамляет широкий плац. У решетки гроздьями столпились ранние дачники, прохожие, любопытные...

Корпус построен. Офицеры на флангах взводов. Впереди монументальной фигурой высится командующий парадом стройный и четкий полковник Самоцвет, наш грозный и любимый “Мотя”.

У главного подъезда движение. Два швейцара, Иван-большой и Иван-маленький, выстраиваются по бокам. На них треуголки и красные дивреи с пелеринами, отороченными оранжевым бортом, с черными двуглавыми орлами. Что то торжественное, дворцовое, имперское... У Ивана-большого в руках медная, сияющая на солнце булава. “Мотя” натянулся, как струна. — “Под знамя, слушай, на кра-ул.” Четко и легко вскинулись винтовки. Блестнули пашки офицеров. Все замерло. Высокими, заливыстыми серебрянными трелями взвились звуки корпусного марша. Адъютант Корпуса, сотник Ткачев (впоследствии генерал-майор, георгиевский кавалер Креста и Оружия, один из доблестнейших летчиков 1-й Мировой войны), держа у козырька свою, с отрубленными на Японской войне пальцами руку, предшествует знаменщику с ассистентом. Знамя становится на правый фланг.

“К но-ге!”, командует Мотя и почти сейчас же снова — “Парад, слушай на кра-ул!”. Раз-два, хрустко шуршит прием. Все головы повернуты к подъезду. Выходит Великий Князь. Высокий, стройный, красивый той родовитой, аристократической красотой, против которой бессильны и болезни, и время. За ним директор, свита. “Мотя”, четко беря пашку “подвысь”, подходит с рапортом. Гремит марш. Великий Князь обходит фронт. Все глаза впилсь в него. Так полагается по уставу. Но еще больше так происходит от неизмеримой любви.

— “Здо’гово пе’гвая гота!”, раздается Его гра-сирующий голос.

— Здравия желаем, Ваше Императорское Высочество!...

— “Здо’гово вто’гая гота!... Т’тетья... Чет-ве’гтая!... — Здравия желаем, Ваше Императорское Высочество, заливыстыми дискантами кричат малыши и на сердце становится так светло и так радостно, что хочется и плакать, и смеяться. Ну, плакать от восторга можно и внутри себя, а вот смеяться?... В строю?... Кто же не знает твердого закона — вид веселый, но без улыбки...

— Позд’тавляю вас с ко’гнусным п’газником!

— Покорно благодарим, Ваше Императорское Высочество!...

Великий Князь отдает приказание Самоцвету. “Мотя” салютует пашкой. “К но-ге!... В батальонную колонну по полуротно стройся!... — Рота на пра..., Рота на пра...”, командуют во второй, третьей и четвертой ротах... “Во...” Четко щелкнули каблуки.

— Шагом марш. Корпус перестраивается в батальонную колонну.

— К церемониальному маршу... На одного линейного дистанция... Первая рота шагом... Оркестр быстро переходит на фронтальную позицию. Разбегаются по трассе линейные. Полковник Орлицкий, командующий 1-й ротой, выходит перед фронт. — Рота, на пле-чо! Равнение на право, шагом... марш.

Взмыли грозные и поющие звуки Егерского марша. По ниточке выравнены, сверкающие на солнце птыки. По ниточке выравнен, четко отбивающий шаг, развернутый строй полуроты. Впереди блестит поднятая “подвысь” пашка Самоцвета. За ним сверкает пашка Орлицкого. Резким движением пашка падает вниз. Все головы вздернуты на право...

— Хо’гошо, пе’гвая г’ота!...

— Рады стараться, Ваше Императорское Высочество!

И все чувствуют, что это не привычные слова устава, но что, действительно, так рады стараться, что если бы в эту минуту был бы отдан самый невероятный, самый неисполнимый, самый смертоносный приказ атаки, штурма, боевого безумия, то не было бы преграды, которую бы не преодолели, и не было бы крепости, которую бы не взяли. Сейчас живет не тело, но дух его несет на крылах своих.

Стена за стеной проходят восемь полурот. Звонит оркестр, звенит солнце, звенят восторгом юношеские и детские души и сердце наполняется такой любовью и такой гордостью своей принадлежности к великой семье Императорской Российской Армии, что становится почти физически ощутимым глубокий смысл той старой, еще Суворовских времен, солдатской песни, где звучат слова:

Жизни тот один достоин,
Кто на смерть всегда готов...

Парад окончен. Быстро расходимся по ротам и идем в столовую к завтраку. Завтрак парадный, — бульон, кулебяка, отбивные котлеты с горошком, пи-

рожные, а для первой роты даже и по стакану шипучаго. Великий Князь обходит столы, присаживается, шутит, пьет из кадетской кружки. Кружка тотчас же разбивается и осколки ее разбираются на память. Великий Князь вынимает носовой платок. Положить обратно в карман Ему уже не придется. Платок постигает участь кружки. Еще “полагается” срезывать пуговицы с Его кителя, но мы боимся это сделать. Он в парадной форме, а вечером бал. Есть ли у него с собой второй китель? Нет! Уж пуговицы мы оставим для прощания...

После завтрака можно идти в отпуск. Но кто же уйдет из корпуса, когда в корпусе Великий Князь? Разве только те, кто к вечеру должны будут привезти своих матерей, сестер, приглашенных...

Но вот и вечер. На фасаде загораются электрические вензеля — Государя в середине, “КК” с одной стороны и “ЕМ” с другой. Оба ливрейные Ивана непрерывно высаживают гостей из колясок и экипажей. Вереницей карет подъезжает Одесский Николаевский Институт и из них, под строгим надзором классных дам, выпархивают белые пелеринки. Десяток горничных раздевают приглашенных, оправляют им платья, смахивают пыль с туфель. Нескончаемым потоком, чуть подобрав легкие бальные туалеты, поднимаются гости по устланной красным плюшевым ковром лестнице, уставленной по сторонам миртами, цветущими олеандрами и пышными раскидистыми пальмами. Ярко освещен бальный зал и натертый до блеска паркет сияет ослепительным зеркалом. Кадеты-распорядители, с ленточными аксельбантами на плечах и в белых перчатках, провожают своих гостей, поднося каждой даме бутоньерку весенних цветов — ландыши, незабудки, сирень... И у входа в зал, каждой даме вручается изящный «Carnet de Bal» с миниатюрным карандашиком для записи приглашений. Аромат духов разлит в воздухе. Шелестит шелк, хрустит тафта, пенятся облака газа, сияют чистые, доверчивые девичьи глаза, звенит молодой смех...

Приезжает Командующий Войсками Округа граф Мусин-Пушкин и вместе с Великим Князем входит в зал. Что может быть прекраснее, благороднее, торжественнее и почтительнее глубокого реверанса, который с такой грацией умели делать все благовоспитанные девицы старого русского общества? Какой гармоничной волной прокатывался он по залу в тихом шелесте широких платьев! И как четок и скульптурно напряжен был силуэт стоящего рядом кавалера, вытягивающегося в струнку и с высоко поднятой головой смотрящего “прямо в глаза”!...

Сейчас, когда рухнула Великая Империя и когда вся ее бывшая мощь и красота не только ушли из жизни, но и высмеяны, как “предрасудки” разлагающейся буржуазии, мы знаем, что величие Империи держалось не только на преданных штыках ее Армии, но и на этом благородном реверансе, ибо все эти светлые и трогательные в своей непосредственности кудрявые девушки, становясь матерями,

воспитывали своих сыновей в духе жертвенного служения России и ее Венценосцам.

На середину зала выходит высокий красавец-герольд, в серебрянном супервесте, в сопровождении двух герольдов-трубачей. Подняты серебрянные, обрамленные стягами, фанфары. На три стороны звучит сигнал. Все стихло. На русском, французском и немецком языках герольд возвещает начало бала. Гремит традиционный полонез из “Жизни за Царя”.

Великий Князь в первой паре открывает шествие, ведя с собой жену директора, госпожу Родкевич. Он высок и строен. Она, едва достигающая ему до груди, полная дама, с бриллиантовым шифром Смольного Института на плече и с алмазным эгретом в седых волосах. Великолепная пара, величественная и торжественная. За ней директор корпуса, генерал Родкевич, ведет вторую такую же помпезную даму, Кандыба, Начальницу Института Благородных Девиц. В третьей паре “хозяин” вечера, красавец вице-фельдфебель Микунин, будущий кирасир, ведет старшую пенипьерку Института. Дальше “табель о рангах” кончается и безконечной лентой текут пары офицерских и кадетских погон с молоденькими барышнями и пожилыми дамами. И тут происходит сенсация! В первой паре “перангового” потока кадет Бавионик ведет с собой госпожу Кошлич! Что это? Случайно или обдуманно-преднамеренно? Не родится ли сейчас новая изумительная традиция, в силу которой для всех будущих поколений станет обязательным, чтобы последний ученик 7-го класса открывал бы бал с женой инспектора? Это кажется вызывающим, но от этого веет духом какого то глубокого и полноценного символа и потому это великолепно. Знает ли мадам Кошлич какую роль ей приходится случайно играть?...

В середине зала появляется Холачев, наш учитель танцев и лучший танцмейстер Одессы. На нем безукоризненный фрак, белые перчатки и шапо-кляк в руке. Холачев руководит полонезом. Поток раздваивается, сходится, вновь расходится, перестраивается во всевозможные фигуры, наконец, разворачивается широким фронтом стены кавалеров против дам, приседающих в грациозном реверансе. Полонез окончен. Вместе с ним окончена и официальная часть бала. Великий Князь, почетные гости и окружение разсаживаются на небольшом подиуме, устланном коврами и обставленном цветами и пальмами. Над ними высится огромный портрет Государя. Теперь герольды возвещают традиционный вальс. Начинается безконечный котильон. Нет, кажется, предела бальной выдумке. Вот звучит “Марш Черномора” из “Руслана и Людмилы”. Из противоположной двери появляется шествие. Длинной вереницей идут гномы, неся на бархатных подушках нескончаемую бороду. Наконец, высоко подпрыгивая на троне, появляется сам Черномор — самый маленький кадетеных 4-й роты. С ним корзины даров Людмиле. Герольды вызывают Людмил. Подходит несколько барышень. Им первые дары — шелковые колпачки с фатой, бриллиантовые звезды

на грудь и ленты через плечо. Дальше дары для всех. Гремит вальс. Вздвигаются бумажные змеи, трещат хлопушки, мелькают шапочки, маски, веера, сверкают алмазы фольговых орденов, сыплются конфетти, кружась, опутывает все серпентин... Черномор, освободившись от своей бороды, пытается куда-то скрыться, но Великий Князь зовет его к себе. Бедному кадетышу и сладостно, и страшно сидеть на коленях у Великого Князя, но Великий Князь угощает его мороженым и страх быстро проходит.

Пауза. В вестибюле зала буфеты — лимонад, оршад, ситро, мороженное, фрукты... Но из зала снова звучит музыка. Лыбятся звуки па-де-катра, па-де-патиньера, краковяка, боярышши... и снова вальс. Выезжает расписная ладья. На ней Садко с гусями. В ладье дары Морской царевне. Снова звезды, блестящие, золотые рыбки, сети, удочки... Через зал протягивается бумажная стена — море. Дамы по одну сторону, кавалеры по другую, закидывают удочки и на них выуживают своих “золотых рыбок”. И вот новый аттракцион: выкатывается огромное картонное сердце. Оно все в дырочках, на обороте которых билетик с именами. Такие же имена раздаются барышням. Перед сердцем гряда рапир. Кадет подходит, берет рапиру, делает салют и на выпаде пронзает сердце. На его рапире билетик. Теперь Онегин идет искать Татьяну, Ленский Ольгу, Лаврецкий Лизу... Вся русская литература, по которой мы пишем сочинения на уроках русского языка, здесь. Да не только русская! Здесь и Отелло с Дездемоной, и Фауст с Гретхен, и Дон-Карлос с Елизаветой и т. д....

Жарко... Все устали. Герольд приглашает гостей в столовую. Там чай, бутерброды, пирожное, конфеты. Кадеты не садятся, кадеты служат своим гостям. Играет большой настоящий концертный кадетский балалаечный оркестр. Многие из гостей слышат такой оркестр впервые. Но вот снова зал. Проворные руки служителей уже подмели горы конфетти и серпентина на полу. Окна открыты и тихая майская ночь ласково освежает разгоряченные тела.

Финальная мазурка. Холачев превосходит самого себя, изобретая самые сложные и замысловатые фигуры. Загораются бенгальские огни. Зал приобретает феерический вид. Сотня воздушных шаров с подожженными шнурами взлетает под потолок, лопаются с грохотом канонады и сверху сыпется дождь конфетти...

«Messieurs les cavaliers, à genoux let remerciez vos dames!».

Бал окончен. Великий Князь, чтобы не создавать официальности, незаметно уходит. Начинается развезд.

— Господин капитан, разрешите проводить Вашу супругу домой, обращается кадет, весь вечер усиленно ухаживавший за молодой женой воспитателя.

— Это не мое дело, следует изумительный ответ. Спросите у дежурного воспитателя!

Так в “доброе, старое время”, в Российской Империи, Одесский кадетский корпус, как впрочем и все другие Корпуса, праздновал день своих Именин.

На другой день Великий Князь уезжает. Корпус построен на плацу для проводов. Великий Князь обходит роты, благодарит за порядок и выправку и, обращаясь к директору, велит распустить Корпус на 2 дня. Директор провозглашает “Ура” Великому Князю... “Ура!”..., заливаются восторженные голоса и снова волна любви и восторга заливают сердце.

Подают экипаж. И тут происходит первое и единственное нарушение дисциплины и строевого порядка. Кадеты бросаются к экипажу, стаскивают кучера с козел. Лошади в искусе бьются, но их моментально выпрягают. Экипаж на руках во весь карьер везут через огромный плац к воротам. Здесь Великий Князь приказывает остановиться. Кучер подводит лошадей. Кадеты восторженно кричат ура и Высочайший Гость, заботливый Начальник и Отец, уезжает.

Еще долго в сердцах трепещет льющаяся через край радость. Она останется в душах. Аристократическая внешность помпезного приема не у многих когда-нибудь повторится в жизни. Кто мы, кадеты? В подавляющем числе сыновья простых армейских офицеров, скромно служащих своему Отечеству в глухих, маленьких городишках великой Империи. Не многим из нас придется видеть блистательную роскошь и богатство высокого класса. Мы станем такими же скромными армейскими офицерами, как и наши отцы, и вся роскошь замкнется для нас только в полковых офицерских собраниях. С нами разделит участь и все эти светлые, кудрявые девочки, которые так упорно отдавались радости бала, на котором они себя чувствовали сказочными принцессами. И станем мы простыми “Вашиими Благородиями”. Но “благородство” наше будет лежать не в родовитости происхождения, а в том круге благородного мышления, действий и поступков, который вложило в нас благородство воспитания и высокий пример взаимоотношений. Лица Императорской Фамилии с мальчиками самой простой среды. Не на таком ли примере построится и наше отношение к солдату, который доверчиво должен будет пойти за нами всюду, куда мы его поведем?

Великая Империя рухнула. Мы изгнаны из своей Родины, конечно, не за то, что мы ей плохо служили, а как раз за то, что мы служили ей слишком хорошо. Но и сейчас, через 50 лет, разбитые ранами, поседевшие и угнетенные жизнью мы несем в себе неугасимый свет, влитый в наши души нашим общим Отцом, Великим Князем Константином Константиновичем. И, если есть в панихидной молитве слова о Вечной Памяти, то нигде они не могут жить лучше, чем в кадетских сердцах.

Владимир Новиков

(Кадет Одесского к. к.)

Знаки отличия за труды по освобождению крестьян

19-го февраля сего года исполнилось сто лет со дня обнародования Высочайшего манифеста об освобождении крестьян. Это освобождение, “по манию Царя”, от крепостной зависимости многомиллионного крестьянского населения является несомненно одним из величайших событий в истории России, но, как это ни странно, в современной нам России этот юбилей прошел почти неотмеченным. Освобождению предшествовала почти вековая борьба прогрессивных сил России против сил консервативных. Вся наша литература, начиная с Радищева и кончая Грибоедовым, Пушкиным, Гоголем и Тургеневым, относилась к крепостному праву, как к страшному и постыдному злу, но это светлое настроение прогрессивной части дворянства не мешало тому, что всякая попытка приступить конкретно к разрешению этого вопроса встречала отпор со стороны более могущественной, консервативной его части.

Император Николай I-й, лично, был врагом крепостного права, но даже он не решился поколебать вековые устои, на которых зиждилось государство. На заседании Государственного Совета 30-го марта 1842 г. Государь заявил, что крепостное право “в нынешнем его положении является злом, но прикасаться к оному теперь было бы злом еще более гибельным” и что он сам “никогда на сие не решится”, но что “нельзя скрывать от себя, что ныне мысли уже не те, какие бывали прежде и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положение не может продолжаться навсегда”. Таким образом невозможно было ни сохранить “теперешнее положение”, ни “прикасаться к оному”. Из этого тупика вывела Россию Восточная война.

Восточная война, в которой Россия столкнулась с передовыми странами Европы и которая, несмотря на отменную храбрость наших войск, окончилась поражением, показала отсталость всего нашего быта. У России не оставалось выбора — предстояло либо полностью переустроить государство, либо, на подобие Турции, сойти на положение второстепенной державы. Но на пути переустройства непреодолимым препятствием стояло крепостное право.

Император Александр II-й, вступая на престол, твердо решил, что освобождение крестьян должно совершиться в его царствование. Уже в заключительных словах Высочайшего манифеста 19-го марта 1856 г., возвещавшего окончание Восточной войны, выразилась целая программа будущей деятельности Царя-Освободителя: “При помощи небесного Промысла, всегда благодеющего России, да утвердится и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствует в судах ее; да развивается повсюду и с новою силою стремление к просвещению и ко всякой полезной деятельности и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых и равно

покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов невинных”.

Уже в 1856 г. был учрежден секретный комитет, под председательством самого Государя, задачей которого было рассмотрение прежних постановлений и предположений о крепостном праве с целью улучшения быта крепостных крестьян. В 1858 г. комитет этот был преобразован в “Главный Комитет по Крестьянскому Делу”. Вместо “улучшения быта крестьян” вопрос ставился теперь уже на почву их полного освобождения. Задача, поставленная комитету, была так велика и задуманная реформа так всеобъемлюща, что перед ними опускались руки даже у самых опытных государственных людей и только непреклонная воля Государя двигала дело вперед. Кроме крестьян помещичьих, освобождались крестьяне государственные, крестьяне удельные и крестьяне приписанные к фабрикам и заводам. Крестьяне освобождались с землей. Кроме русских крестьян, освобождались и инородцы. Дабы совершенно не обездолжить дворян, создавалась чрезвычайно сложная выкупная система. Все это требовало неимоверного труда. Однако к 1859 г. дело настолько продвинулось вперед, что были учреждены “Редакционные Комиссии”. Наконец, 19-го февраля 1861 г. последовал Высочайший манифест об освобождении от крепостной зависимости 22-миллионного крестьянского населения.

Как аграрная реформа, освобождение крестьян было полумерой и, как таковое, обречено было на неудачу. Отмена крепостного права, разорив помещиков, не обогатила и крестьян. Раздробление имений на мелкие крестьянские наделы затрудняло механизацию земледелия. Коллективизация, в некоторых отношениях, является возвращением к порядкам, существовавшим до отмены крепостного права. Аграрная проблема не разрешена в России и до сего дня.

Но освобождение крестьян было прежде всего делом совести. Крестьяне освобождались потому, что совесть более не позволяла русским людям владеть себе-подобными русскими людьми. Крепостное право пало потому, что, как сказал Император Николай I-й, “теперешнее положение не могло продолжаться навсегда”.

Для награждения лиц, потрудившихся над делом освобождения, а затем и повсеместного устройства крестьян, были учреждены особые знаки отличия.

Была выбита и особая золотая медаль для Царя-Освободителя, весьма им заслуженная, ибо только самодержавная власть, которой он был облечен, и его непреклонная воля способны были завершить это великое дело.

МЕДАЛЬ

“ЗА ТРУДЫ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ КРЕСТЬЯН”

Лиц. ст. — Погрудное, профильное, влево обращенное изображение Имп. Александра II-го. — Над-

пись поверху: БЛАГОДАРЮ; надпись по низу: 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

Об. ст. — Надпись: ЗА ТРУДЫ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ КРЕСТЬЯН. Прим. медаль с ушком для ношения в петлице на Александровской ленте. Выбивалась из золота и серебра, размер 29 мм.

МЕДАЛЬ ДЛЯ ЕГО ИМП. ВЕЛ. ГОС.

ИМП. АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

Лиц. ст. — В сиянии Всевидающее Око; надпись по низу: 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

Об. ст. Надпись: НЕ НАМ, НЕ НАМ, А ИМЕНИ ТВОЕМУ.

Прим. медаль с ушком для ношения в петлице. Была выбита из золота, размер 29 мм.

*МЕДАЛЬ “ЗА ТРУДЫ ПО УСТРОЙСТВУ
УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН”*

Лиц. ст. — Погрудное, профильное, влево обращенное изображение Имп. Александра II-го. — Надпись по верху: БЛАГОДАРЮ; надпись по низу: 26 ИЮНЯ 1863 г.

Об. ст. Надпись: ЗА ТРУДЫ ПО УСТРОЙСТВУ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН.

Прим. медаль с ушком для ношения в петлице в награду лицам, участвовавшим в составлении окончательного положения о крестьянах, водворенных на землях имений Государевых, дворцовых и удельных.

*МЕДАЛЬ “ЗА ТРУДЫ ПО УСТРОЙСТВУ
КРЕСТЬЯН В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ”*

Лиц. ст. — Погрудные, профильные, влево обращенные, одно за другим изображения Императоров Николая I-го и Александра II-го. Надпись по окруж-

ности: слева — 26 мая (7 июня) 1846 ГОДА и справа: 19 февраля (2 марта) 1864 ГОДА.

Об. ст. Надпись: ЗА ТРУДЫ ПО УСТРОЙСТВУ КРЕСТЬЯН В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ.

Прим. медаль с ушком для ношения в петлице. Сверху имеет императорскую корону. Ушко просверлено с задней стороны короны. Размер 29 мм. Выбивалась из серебра.

*МЕДАЛЬ “ЗА ТРУДЫ ПО УСТРОЙСТВУ
ВОЕННОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ”*

Лиц. ст. — Погрудное, профильное, вправо обращенное изображение Имп. Александра II-го. Надпись по верху: БЛАГОДАРЮ; под изображением: 1863-1867.

Об. ст. Надпись: ЗА ТРУДЫ ПО УСТРОЙСТВУ ВОЕННО-ЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ. Прим. медаль с ушком для ношения в петлице. Размер 29 мм. Выбивалась из серебра.

*ЗНАК ОТЛИЧИЯ “ЗА ПОЗЕМЕЛЬНОЕ
УСТРОЙСТВО ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН”*

Имеет форму Мальтийского креста, в центре которого вензель А II под императорской короной. На верхней стороне креста цифра 24, на нижней надпись: НОЯБРЯ. На правой и левой сторонах изображен год 18-66. Крест палочек на круг с надписью, которой видна только часть между сторонами креста: ЗА ПОЗЕМЕ УСТРОИСТ ГОСУДАРС КРЕСТЬЯН.

Прим. крест на винте для ношения на груди. Делался из серебра.

Кроме этих знаков, существует несколько юбилейных знаков в память 50-летнего юбилея освобождения крестьян.

Е. Молло

Ордена и знаки отличия гражданской войны 1917-1922 годов

Составил П. ПАШКОВ

(ОКОНЧАНИЕ)

а) Крест «13 МАЯ 1919».

Описание креста.

Золоченный белый эмалированный крест с одинаковыми сторонами (39 мм), вдоль обеих поперечных сторон которого надпись золотом славянской вязью: «13 мая 1919». Крест носится на круглой розетке национальных цветов на левой стороне груди.

.....

Ошеломленные сначала дерзким наступлением горсти белых, большевики пришли в себя и стянули на защиту Петрограда большие силы. Частям же Северо-Западной Армии, растянутым узенькой цепочкой, без резервов, на громадном фронте, становилось невозможно удерживать натиск красных и пришлось начать отход. Медленно, с боями, удерживая каждый рубеж, отходили полки и, наконец, закрепились на линии рек Желча, Саба и Луга.

Корпус, пополненный пленными красноармейцами и мобилизованными, развернулся в Армию, названную Северной, вскоре переименованную в Северо-Западную, в отличие от Северной Армии генерала Миллера, действовавшей в районе г. Архангельска. В июле 1919 года прибыл из Финляндии генерал Юденич и принял общее командование. Состав Северо-Западной Армии, после переформирования, насчитывал 17.800 штыков, 700 сабель, 57 орудий, 4 бронепоезда, 6 танков и 2 броневика (26 пех. полков, 2 кавал. полка, 2 отд. батальона и 1 отряд).

10 октября 1919 года Армия вновь перешла в наступление, разгромив красных, и в несколько маршей с боями захватила Красное Село, Гатчину, Лугу и, наконец, Павловск и Царское Село, подойдя таким образом к самому Петрограду. Истощив все свои силы, части Армии остановились перед Пулковскими высотами и тут, неожиданно лишённые поддержки эстонцев и английского флота с моря, снова начали отход; последние героические усилия под Ямбургом, перед Нарвой и все было кончено. Сильные морозы, утомление, болезни, издевательства союзников, лишения ими нас базы доканали Армию. Началась ликвидация, появился тиф, унесший в могилу до 8 тысяч человек.

22 января 1920 года генерал Юденич отдал при-

каз о расформировании частей, штабов и учреждений, а 10 марта полки превратились в дровосеков и рабочих по добычанию торфа. В то же время началась тяга в Польшу, где создавались новые русские кадры для борьбы с большевиками. Так перевернулась светлая страница героической эпопеи горсти смельчаков, бросивших смело вызов врагам Родины.

Заграницей, в эмиграции, бывшие участники Северо-Западной Армии, офицеры и солдаты создали «Объединение Северозападников», причем эмблемой своего Объединения избрали особый знак, уменьшенную копию шеврона, который носился чинами армии на левом рукаве во время пребывания в армии, несколько видоизменив его и придавши буквы «СЗ» и даты «1919».

Знак этот был утвержден Председателем Обще-Воинского Союза, генералом Миллером, 31 августа 1931 года, за № 45.

б) Знак Объединения Северо-Западников.

Описание знака.

Знак представляет собою золоченый треугольный щиток — шеврон национальных цветов, в красном поле которого находится белый крест.

По бокам креста — золотые буквы: «С. З.», а сверху золотом же дата: «1919». Знак этот изготовлялся исключительно уменьшенного размера для ношения в петлице штатского костюма. Размер знака 2×2,30 см.

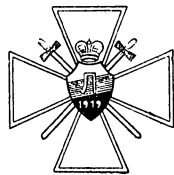
в) Знак Ливенцев.

Русский Добровольческий стрелковый отряд светлейшего князя Ливена был сформирован ротмистром Кавалергардского полка Светлейшим Князем Ливеном, в г. Либаве в конце 1918 г. Отряд этот был также известен под именем «Либавских стрелков» или «Ливенцев».

31 января 1919 г. отряд выступил из Либавы против красных, насчитывая в своем составе всего 65 штыков. В течение последующих месяцев, возраста численно и совершенствуясь качественно, Отряд с боями прошел всю Курляндию и 22 мая 1919 года принимал участие в освобождении от красных г. Риги. Закончив в июне 1919 г. очищение территории Латвии, отряд перешел в состав Северо-Западной Армии генерала Юденича и был отправлен на Нарвский фронт. Затем был переформирован в 5-ую

стрелковую дивизию и под командованием полковника Дыдорова принял участие в наступлении на Петроград, причем к 20 октября 1919 г. доходил до Стрельницкой подставы и до предместья Лигова — это были ближайшие к Петрограду места, которых мы достигли. После всеобщего отступления, часть Отряда попала в Польшу, где продолжала борьбу против красных.

В эмиграции бывшими чинами отряда создан “Союз Ливенцев”, возглавлявшийся их прежним командиром Светлейшим Князем Ливеном, который установил для всех его участников особый памятный знак для ношения в петлице штатского костюма.

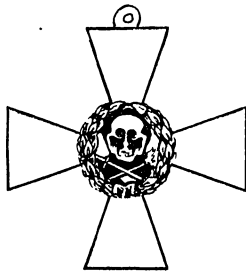
Описание знака.

Золоченый крест белой эмали, с двумя накрест лежащими золотыми мечами рукоятками вниз. В середине креста щиток, формы гербового, национальных цветов: бело-сине-красного, на нем золотая буква “Л” и памятная дата “1919”. Щит увенчан золотой короной.

Размер знака 2×2 см.

г) «КРЕСТЪ ХРАБРЫХЪ»

Атамана Булак-Балаховича.

Описание креста.

Крест белого металла, формы Георгиевского, покрытый белой эмалью, размера 35×35 мм. В центре креста штампованный круглый медальон, оксидированного серебра, на котором изображены: над скрещен-

ными мечом и факелом мертвая голова. Медальон окружен лавровым венком, перевязанным внизу лентой.

Оборотная сторона гладкая и имеет порядковый номер.

Носился на широкой черной ленте 38 мм. с двумя золотыми каймами по краям ленты, 5 мм. каждая.

Булак-Балахович, бывш. кавалерийский ротмистр старой русской армии, потом произведенный генералом Юденичем в полковники и генерал-майоры, командовал Партизанским отрядом своего имени, в составе: сначала отдельного корпуса Северной Армии (ОКСА) генерала Родзянко, а потом в Северо-Западной Армии генерала Юденича. Приказом по Армии от 24 августа 1919 г., за № 20, генералом Юденичем был исключен из списков Армии и перешел на службу в Эстонию, а затем в Польшу, где во время 2-ой Мировой войны, имея чин генерала Польской Армии, сформировал конный отряд. Этот отряд рассыпался, не дойдя до фронта, так как польская кампания была уже проиграна. В 1940 году Булак-Балахович был застрелен на одной из улиц в Варшаве неизвестными лицами, оставшимися не обнаруженными.

История его Отряда — такова:

В середине октября 1918 г. в Псков перебежали от красных два офицера, служившие в Конно-Партизанском отряде Булак-Балаховича, который образовался из Партизанского отряда Пунина, действовавшего против германцев, в районе Риги. Под давлением немцев, отряд Пунина расплылся и осталась лишь его часть под командой ротмистра Булак-Балаховича. Отступая дальше, отряд попал в сферу действий большевистских войск и там, в силу обстоятельств, перешел на службу Советам. Однако, Булак-Балахович искал подходящий момент, чтобы перейти на сторону Отдельного Псковского Добровольческого Корпуса, о чем и сообщили оба выше названных офицера.

Через два дня после их перехода к добровольцам, на нашу сторону перешли два эскадрона, а за этими двумя и весь остальной отряд, под командою “батюшки” Булак-Балаховича, в полном вооружении, снаряжении, обмундировании, с косями и другим военным имуществом.

В сущности, отряд этот “партизанил”, нанося сильный вред не только большевикам, но и местному населению, занимаясь грабежами и самоуправством и не исполняя приказаний главного командования, что и послужило поводом к исключению Булак-Балаховича из списков Армии и к отстранению его от участия в военных действиях. Надо сказать, что чины отряда обладали легендарной храбростью, зная отлично, что пощады им от врага не будет, и обожали своего “батюку-атамана”.

III. Север и Восток России

1. МЕДАЛЬ И ЗНАК СЕВЕРНОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛА МИЛЛЕРА

30-го июня 1919 года объявлено постановление Временного Правительства Северной Области об утверждении им 18-го июня того же года Положения о медали “В память освобождения Северной области от большевиков”.

Копия.

ПОЛОЖЕНИЕ

о медали “В память Освобождения Северной Области от большевиков”.

I. В ознаменование освобождения Северной Области от большевиков устанавливается медаль белого металла для ношения на груди на ленте белого и голубого цвета. На лицевой стороне медали изображены в боевых положениях солдаты молодой русской и помогавших ей союзных армий, а на другой надпись: “медаль в память освобождения Северной Области от большевиков”; над надписью двуглавый орел, ниже надписи — фигуры солдат, изображенных на лицевой стороне. Медаль эта носится по правилам, установленным в военно-морском и гражданском ведомствах для ношения соответствующих медалей.

II. Право ношения этой медали предоставляется:

а) всем воинским чинам войсковых частей, штабов учреждений и заведений, входящих в состав союзной и русской армий в Северной области.

б) всем участникам партизанских и добровольческих отрядов выступавших против большевиков.

в) всем гражданским и духовным лицам, находившимся на службе в правительственных учреждениях Северной области после 2-го августа 1918 года.

г) всем лицам, принимавшим видное участие в борьбе с большевизмом в Северной области.

д) всем чинам Народного Ополчения Северной области.

е) отцам и старшим сыновьям лиц, павших в боях с большевиками, в рядах войсковых частей и отрядов Северной области.

III. Рассмотрение прав ношения медали “в память освобождения Северной области от большевиков” возлагается: для лиц военных — на Командующего войсками Северной Области, для гражданских и духовных — на Генерал-Губернатора Северной Области.

IV. Лица, имеющие право на ношение означенной медали, обращаются на имя вышеуказанных властей: служащие — через свое начальство, а остальные лица — непосредственно, с доказательством права их на получение медали.

V. Право ношения медали удостоверяется особым свидетельством, выдаваемым за подписью вышеуказанных начальствующих лиц, по прилагаемой форме.

VI. Лица, за которыми будет признано право на ношение медали, получают таковую по уплате ими в доход казны Северной области стоимости медали. Солдатам и партизанам медаль выдается бесплатно.

VII. Медали рассылаются лицам, имеющим право на получение таковых, штабом Командующего Русскими Войсками Северной области и гражданской канцелярией Генерал-Губернатора по принадлежности.

Заместитель Председателя Временного Правительства Северной области Зубов.

Управляющий Делами Временного Правительства Маймистров.

г. Архангельск.

Описание медали.

Медаль белого металла, диаметра 30 мм. На лицевой ее стороне в центре изображена Победа в виде крылатой женщины, с поднятым мечом в правой руке и со щитом в левой. С левой ее стороны — русский солдат, заряжающий винтовку, а вокруг него солдаты союзных войск, стреляющие с колена: английский, американский, французский, итальянский и сербский.

На обороте медали: сверху двуглавый орел без короны, крылья его распушены, в лапах венки и меч, а на груди щит со Св. Георгием Победоносцем. Внизу погрудные изображения солдат союзных войск, которые окружают русского солдата.

Справа: английский и американский, а слева: француз, итальянец и серб. В центре медали, под орлом надпись в четыре строки: “медаль — в память освобождения северной области — от большевиков” и справа по срезу медали надпись гравера “Ф. Ковалевская”.

Лента из двух равных вертикальных полос белой и голубой.

Во время пребывания в эмиграции бывшие чины Северной Добровольческой Армии создали “Общество Северян”, под председательством своего бывшего Командующего генерала Миллера, который в 1920 году в Париже установил для членов этого общества особый памятный знак. К сожалению, не представилось возможным выяснить точную дату его установления,

где он изготовлялся и в каком количестве, также не удалось получить его рисунок.

Описание знака.

Знак представляет собой серебряный Андреевский крест, покрытый белой эмалью с узкой каймой голубого цвета по краям сторон. На левом верхнем конце креста надпись: “АРХАНГЕЛЬСКЪ”, на правом — “МУРМАНСКЪ”, на левом нижнем: “1 АВГУСТА 1918”, на правом “19 ФЕВРАЛЯ 1920”.

В центре креста серебряный двуглавый орел, под тремя серебряными же коронами.

Размер знака 29 мм. на 14 мм.

Носился на винте в петлице статского костюма.

Все архивы “Общества Северян” погибли, а потому рассчитывать на более подробные данные не приходится.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ АРМИИ

Северное побережье привлекало большое внимание англичан и главные их опасения вызывало наличие германских войск и организация при их содействии “Белой Гвардии” генерала Маннергейма в Финляндии, поэтому 27 июня 1919 года они высадили в Мурманске около двух тысяч пехоты, одновременно увеличив число своих военных судов на побережья в Белом море.

За начало июля английский генерал Пуль успел провести оккупацию Мурманского района и Мурманской жел. дороги на протяжении 600 км. от побережья, однако далее англичане двинулись не на юго-запад, в сторону Финляндии, а на юго-восток, то есть в сторону Онеги и Архангельска, подготавливая этим оккупацию и южного берега Белого моря. 31 июля была занята Онега и 2 августа высажен десант в Архангельске.

После высадки английского десанта 2 августа, в Архангельске образовалось социалистическое “Верховное Управление Северной Областью”, просуществовавшее, однако, лишь месяц, так как 6 сентября Командующий Русскими вооруженными силами на побережья Белого моря — капитан II ранга Чаплин это правительство арестовал и отправил на Соловецкие острова. Хотя и освобожденное через три дня, оно было в начале октября заменено несоциалистическим “Временным Правительством Северной Области”, но во главе с прежним социалистом Чайковским. Командование же Русскими Вооруженными силами с 14 сентября от капитана II ранга Чаплина перешло к Ген. Шт. полковнику Дурову. На самом деле фактическая власть сосредоточилась в руках, английского генерала Айронсайда, сменившего с осени в Архангельске генерала Пуля.

Силы интервентов к концу 1918 года составляли 23 тысячи, из коих 10 тысяч в Мурманске и 13 тысяч в Архангельске. Из этого числа около 13.000, более половины, были англичане; 5.200 американцев, 2.300 французов, 1.200 сербов и 1.200 итальянцев.

Русские силы были еще в совершенно зачаточном состоянии и не превышали 7.000 человек (в Мурманске — 3.000, в Архангельске 4.000). Эти Русские Вооруженные Силы были крайне ненадежны, армия эта была безпогонной, весьма условно признававшей основные начала воинской дисциплины и распорядка.

19 ноября в командование армией вступил генерал Марушевский — последний Начальник Генерального Штаба в Петрограде при Временном Правительстве, который немедленно потребовал от правительства восстановления военной дисциплины, погон, формы одежды и воинских отличий для армии, чего, несмотря на трения, ему все же удалось добиться. Но то, что было создано, не было ни достаточно, ни боеспособно, а потому нужна была коренная реорганизация армии и пополнение ее откуда то извне.

Первый шаг на пути реорганизации был сделан генералом Марушевским, дальнейшее возлагалось на генерала Миллера, который в январе 1919 года сменил на посту командующего генерала Марушевского, а затем возглавил и Правительство.

В сентябре 1919 года союзные части покинули Северную область и после их эвакуации генералу Миллеру удалось продержаться еще до февраля 1920 года, когда части его армии были частью эвакуированы морем, частью же, перейдя Финляндскую границу, интернированы в Финляндии.

2. КРЕСТ «АРХАНГЕЛА МИХАИЛА» УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Крест Михаила Архангела установлен в 1918 году Уральским Войсковым Кругом в качестве награды за проявленную храбрость и мужество в борьбе с большевиками, как для офицеров, так и для рядовых казаков, сражавшихся на Уральском фронте. Статут этого ордена почти аналогичен с Георгиевским статутом.

Описание креста.

Крест темной бронзы с четырьмя равными сторонами. В центре креста в круглом медальоне штамп

пованное изображение Архангела Михаила верхом на коне, поражающего копьём дракона. На сторонах креста надпись: на верхней “ЗА ВЪРУ”, на поперечных — “ОТЕЧЕСТВО” “ЯИКЪ” и на нижней — “И ЗА СВОБОДУ”. Обратная сторона гладкая, имеет порядковый номер. Носился на малиновой ленте (цвет Уральского Казачьего Войска). Чеканился в г. Омске.

Примечание: Слово «Яик» обозначает прежнее название реки Урал.

Известно также, что была установлена еще медаль, награждений которой было довольно много, но медаль эта никому выдана не была, так как ее не успели отчеканить.

Более подробных сведений об этих наградах получить не удалось, так как все Войсковые Архивы погибли при отступлении у форта Александровска, где они были захвачены красными.

Разогнав совет рабочих, киргизских и крестьянских депутатов в г. Уральске, 29-го марта 1918 года, Уральские казаки взамен него создали свое Войсковое Правительство. В мае 1918 г. красные от Саратова повели наступление на г. Уральск, но были отброшены назад на Саратов и к июню Уральское казачество самостоятельно, без посторонней помощи, держало фронт в 100 километров, в 150 километрах от Волги, по линии Ершово-Новоузенск. Отдельные отряды казаков прикрывали область с севера в направлении на Бузулук. Упорство сопротивления казаков с наличием у них базы в виде станиц по Уралу давало казачьему фронту ту устойчивость, какой не хватало Самарскому “очагу”, и придавало ему значение базы Поволжского фронта. С падением Волжского фронта наступил конец и Уральцам, покинувшим вместе со своим Атаманом Генералом Толстовым территорию своего войска.

3. ОРДЕН «ОСВОБОЖДЕНИЯ СИБИРИ»

Об этом ордене сведения чрезвычайно скудны и надо полагать не особенно достоверны. Германский исследователь и большой знаток орденов, доктор К. Г. Клитманн (выпустивший недавно в свет свой огромный 8-томный труд о знаках отличия), ссылаясь на сведения, полученные им от генерал-лейтенанта К. В. Сахарова, говорит, что орден “Освобождения Сибири” действительно существовал, представлял собою золотую звезду, украшенную зеленым малахитом и награждены им были всего лишь несколько лиц.

Учрежден он был “Всероссийским Временным Правительством”, так называемой “Директорией”, образовавшимся в сентябре 1918 года и в октябре того же года переехавшим в Омск. Просуществовала эта Директория, однако, недолго, была свернута в ноябре и Адмирал Колчак провозглашен Верховным Правителем.

4. ВОЕННЫЙ ОРДЕН

«ЗА ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ПОХОДЪ»

Военный орден “За Великий Сибирский Поход” установлен в 1920 году Верховным Правителем для всех участников этого легендарного похода, от Волги до Забайкалья. Знак ордена представляет собой точную копию знака за I-ый Кубанский поход, он того же размера и разница лишь в ином металле меча.

Описание знака.

Терновый венок оксидированного серебра, 30 мм. в диаметре, пересеченный снизу слева вверх направо золотым мечем 50 мм. длиной. Наверху венка ушко для ношения. Обратная сторона гладкая с набитым порядковым номером.

Знак двух степеней: 1-ая на Георгиевской ленте (без розетки национальных цветов) — для всех участников сражений и 2-ая степень — для совершивших поход, но в боях не принимавших участия, на ленте ордена Св. Владимира (красной с двумя черными полосами по краям), также без розетки.

На право его ношения выдавалось удостоверение, причем номер знака соответствовал номеру удостоверения, сам же знак или покупался награжденным, или заказывался, причем часто для изготовления меча давался золотой пятирублевик. Делались знаки в Чите и в Харбине.

После свержения в ноябре 1918 года Правительства “Директории” и прихода к власти Верховного Правителя Адмирала Колчака, последний возглавил Волжский фронт, образовавшийся к тому времени из отдельных участков: Уральцев, Народной Армии, Оренбургских казаков Атамана Дутова и Сибирской Армии, сформированной в Омске из добровольцев и Сибирских казаков. В это время, на фронте находились только русские части. Чехи, после заключения перемирия союзников с Германией, прекратили совершенно всякие военные действия, начали отходить в тыл и все усилия заставить их сражаться были тщетны.

Вначале боевые действия развивались успешно и к весне 1919 года началось быстрое продвижение на Запад. Совершенно неожиданно на южном участке фронта часть войск перебила своих офицеров и перешла к красным, — получился большой прорыв, в который влились большевики, угрожая тылам Сибирской Армии. При начавшемся всеобщем отступлении Армия стала быстро таять, был оставлен Омск и правительство переехало в Иркутск, где в декабре произошло восстание и власть была захвачена эсерами, объявившими о прекращении гражданской войны и мире с большевиками.

15 января 1920 года, по директиве генерала Жанена, — союзного Главнокомандующего, чехами в Иркутске был выдан местным властям адмирал Колчак. В начале февраля части генерала Войцеховского под-

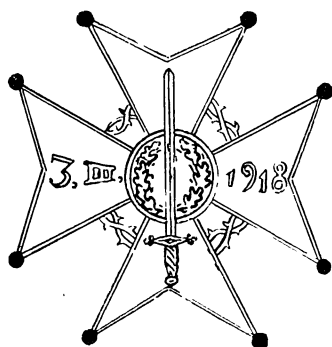
ходили к Иркутску и хотели его взять, но встретили сильный отпор со стороны чехов. 7-го февраля 1920 года адмирал Колчак и его министр Пеняев были расстреляны на окраине города.

Войска, совершившие в сильнейшие морозы легендарный поход через всю Сибирь и дошедшие до Забайкалья, не будь у них в тылу анархии, созданной чехами, конечно смогли бы оказать наступлению красных более или менее упорное сопротивление. 3-я армия генерала Каппеля прошла 120-верстный путь по реке при 55-градусном морозе и встречном ледяном ветре. Чтобы выйти на эту страшную дорогу смерти, армия прорвала фронт красных у Красноярска.

С падением Омска, вдоль всего великого Сибирского железно-дорожного пути, началась трагедия, которая по своим ужасам выделяется даже на общем кровавом фронте русской революции. Длинной лентой вытянулись между Омском и Ново-Николаевском эшелоны с беженцами и санитарные поезда, у которых чехами были силой отобраны паровозы, согнанные ими на свои участки. Безмолвно стояли на рельсах вагоны — саркофаги с погибшим в них от голода и холода страшным грузом. Главным, если не единственным виновником этого непередаваемого ужаса были чехи.

5. КРЕСТ АЧИНСКОГО КОННО-ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА

Крест Ачинского Конно-Партизанского Отряда установлен для чинов Отряда за проявленную ими храбрость и мужество в борьбе с большевиками, приказом генерала Иванова-Ринова от 10 сентября 1918 г. за № 108.

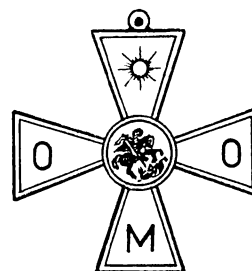
Описание креста.

Серебряный мальтийский крест белой эмали, лежащий на серебряном терновом венке. В середине креста положен поднятый серебряный меч с золотой рукоятью. На поперечных сторонах креста памятная дата: "3. III." "1918", — день первого боя отряда с красными. Крест носился на левой стороне груди на розетке из ленты национальных цветов.

В феврале 1918 года в Красноярске ротмистр 14-го уланского Ямбургского полка Фрейберг, сформировал небольшой пеший партизанский отряд, состоящий исключительно из кадет 1-го Сибирского кадетского корпуса, гимназистов, реалистов и учеников Технического училища. 3 марта того же года отряд, названный Ачинским Партизанским Отрядом, действовал в районе Красноярск-Минусинск-Ачинск настолько успешно, что в короткое время стал конным, отбив у противника лошадей и большое количество оружия и снаряжения. Дерзкие и успешные налеты отряда, продолжавшиеся до июня (восстания чехословаков), создавали у красных большую панику, они посылали довольно крупные силы для его уничтожения, но отряд, благодаря сочувствию местного населения, был неуловим. После этого отряд, переформированный в Ачинский эскадрон, действовал в районе Мариинска и Иркутска и его принял в командование ротмистр Попандопуло, так как ротмистр Фрейберг получил другое назначение.

В июне 1918 года Ачинский эскадрон вошел в состав Сибирской армии и вместе с ней дошел до Байкала, принимая участие еще во многих боях и покрывая себя неизменно заслуженной славой. Девиз его был: "За Веру, Царя и Отечество", а отличительными знаками от безпогонной Сибирской армии — белые погоны, петлицы и лампасы и старые кокарды вместо бело-зеленых ленточек других частей. Считая отряд отпрыском своего родного Ямбургского уланского полка, ротмистр Фрейберг, представляя на утверждение крест отряда, взял его прообразом полковой знак Ямбургских улан, заменив вензеля и даты — своей датой и терновым венком с мечом. Необходимо добавить, что Ямбургские уланы, находясь за границей в эмиграции, считают Ачинский Конно-Партизанский отряд, а затем Ачинский эскадрон, как бы продолжением своего полка и его историю заканчивают историей Ачинского эскадрона.

6. КРЕСТ «ЗА ХРАБРОСТЬ» И ПАМЯТНЫЕ ЗНАКИ «ОСОБОГО МАНЧЖУРСКОГО ОТРЯДА» АТАМАНА СЕМЕНОВА

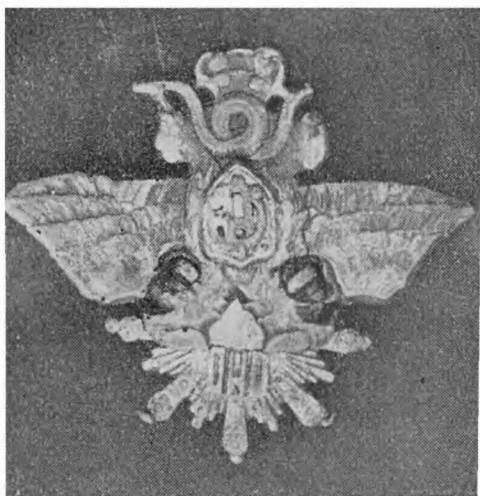

Описание креста.

Крест белого металла и представляет собой точную копию Георгиевского креста (в середине кото-

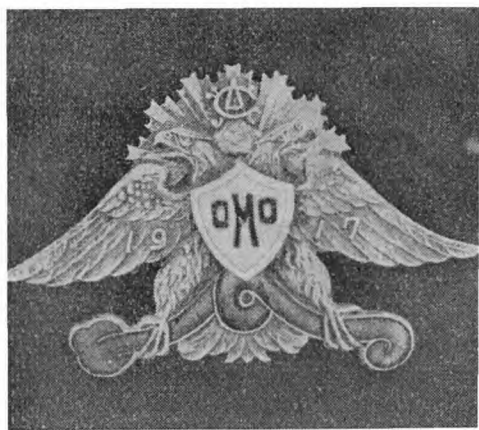
рого — Св. Георгий поражающий копьём дракона, а на обороте инициалы его имени). На лицевой стороне креста, на верхней его стороне, изображение солнца в лучах, на левой: буква “О”: на нижней “М” и на правой “О”, что означает “Особый Манчжурский Отряд”. На оборотной стороне креста — порядковый номер. Крест носился на Георгиевской ленте. Размер его 35×35 мм.

Повидимому в тот же период, Атаманом Семеновым был установлен и знак для всех чинов его Отряда

Описание знака.

Медный высеребрянный двуглавый орел, без корон, держащий в лапах змею. На груди орла — золоченный щит с буквами “АС”, в виде вензеля, что значит Атаман Семенов, а сверху, над головами орла

— золотые лучи восходящего солнца, на которых надпись: “О М О” (Особый Манчжурский Отряд).

Знак очень грубой и примитивной работы, с обо-

ротной стороны залит оловом. Высота знака — 5 см. Ширина — 6 см.

Существуют разновидности этого знака, более тонкой и изящной работы, на которых на щите на груди орла — буквы “О М О”, а вензелевое изображение имени атамана Семенова “АС” помещено

над головами орла на солнечных лучах. Кроме того на крыльях орла дата: “19” “17” (1917).

В память двадцатилетия отряда, в 1937 году атаманом Семеновым установлен еще один памятный знак, который представляет собой точную копию вышеописанного орла, но с той разницей, что под орлом, ниже его лап и хвоста, помещен щит национальных цветов (бело-сине-красный), в середине которого римская цифра “XX”, а внизу восходящее солнце с лучами и на нем дата “1937”.

Встречаются разновидности этого знака, на которых нижний щит больше, на других — меньше, также верхние лучи над головами орла различны по своему рисунку. Все эти знаки очень хорошей работы.

Есаул Семенов, бывший командир сотни Нерчинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска, в январе 1918 года формирует в Манчжурии “Особый Манчжурский Отряд”, с которым очень удачно выступает против большевиков. В марте он входит в конфликт с только что прибывшим в Сибирь Адмиралом Колчаком, так как его отряд начинает заниматься незаконными реквизициями, расправами с мирным населением и просто грабежом.

Вновь образовавшееся Сибирское революционное правительство, “Директория” назначает Семенова командиром корпуса, который должен был формироваться в Приморской Области, и кроме того он избирается Атаманом Амурского, Уссурийского и Забайкальского казачьих войск.

18-го ноября "Директория" свернута, Адмирал Колчак провозглашен Верховным Правителем, но Атаман Семенов его не признает и отрешается Колчаком от командования. Только 19-го января 1919 года Семенов подчиняется Адмиралу Колчаку, ведет борьбу с красными в занимаемом им районе, в то же время провозглашает независимость Монгольско-Бурятской республики. Безконечное количество жалоб на действия Атамана Семенова вынуждает Адмирала Колчака постоянно посылать в Читу специальные комиссии для расследования этих жалоб. 15-го ноября 1919 года, после падения Омска и начавшегося отхода армии Верховного Правителя, Атаман Семенов не оказывает ему никакой помощи и переходит в Читу, так как 1-го марта Верхнеудинск взят красными. Там он, поддержанный своими частями, частями генерала Войцеховского и японцами, объявляет себя

Верховным Правителем по случаю смерти Адмирала Колчака. Вскоре японцы покидают район г. Читы и переходят в Приморскую область, Семенов, лишившийся их поддержки, слагает с себя звание Верховного Правителя, прекращает гражданскую войну против республики Верхнеудинска и становится военным министром и командующим войсками во вновь образовавшемся правительстве Виноградова во Владивостоке, но в октябре, под давлением красных, принужден перейти Китайскую границу и там разоружиться. После этого Атаман Семенов прибыл в Харбин, где некоторое время продолжал играть роль антибольшевистского вождя в Манчжурии и Забайкалье.

Крест "За храбрость" был установлен Атаманом Семеновым для чинов своего отряда в г. Чите в 1920 году. Статут этого креста аналогичен со статутом ордена Св. Георгия.

IV. Нагрудные знаки «Въ память пребыванія Русской Арміи въ военныхъ лагеряхъ на чужбинѣ»

1. КРЕСТ С НАДПИСЬЮ «ГАЛЛИПОЛИ»

После эвакуации Крыма генералом Врангелем, в ноябре 1920 года, части Русской Армии вместе с гражданскими беженцами на 126 кораблях прибыли в Константинополь. Всего из Крымских портов было вывезено около 135 тысяч человек, из которых до 70 тысяч вооруженных бойцов.

Прежде всего надо было произвести некоторые изменения в Армии, учесть уменьшение ее численности и свести войска, согласно их численному составу. Затем, ввиду решения французского командования поселить не всю Армию в Галлиполи, выделить казаков для отправки в Чатаджу и на о. Лемнос. Таким образом, исключая казачьи полки, все прочие части Русской Армии были сведены в I-й Армейский Корпус под командованием генерала от инфантерии Кутепова.

Состав Корпуса был следующий: I-ая пехотная дивизия: Корниловский Ударный, Марковский пех., Сводно-стрелковый ген. Дроздовского и Алексеевский пех. полки причем при каждом пехотном полку — Конный и Артиллерийские дивизионы.

Артиллерийский батальон — тяжелый крепостной и бронепоездный дивизионы.

Кавалерийская дивизия: 1, 2, 3 и 4 полки и Конно-арт. дивизион.

Технический полк — из всех саперных, телеграфных, авиационных, жел.-дор., бронепоездных и прочих технических частей.

(Примечание: в состав Алексеевского пех. полка вошли части: 6-й, 13-й и 34-й пех. дивизий и Сводно-

Гвардейского полка. — Прик. Главнокомандующего от 19 ноября 1920 г. № 4721).

22 ноября 1920 года на Галлиполийском рейде отдали якорь пароходы "Херсон" и "Саратов", прибывшие с первыми эшелонами I-го Армейского Корпуса. Беглый осмотр города генералом Кутеповым сразу же выяснил, что в маленьком разрушенном Галлиполи едва ли удастся разместить даже треть Корпуса, а на месте, отведенном для лагеря в 6-8 верстах от города, он нашел буквально "голое поле", покрытое жидкой грязью. От французов были получены палатки, которые на руках были перенесены в расположение лагеря.

Пережитые моральные потрясения, скудность французского пайка и огромное физическое напряжение в работах вызвали в людях настолько сильную апатию к личной участи, к желанию удобно разместиться, что приказом по Корпусу пришлось понудить всех сделать в палатках койки. Не будь этого приказа — значительная часть людей продолжала бы долгое время располагаться на голой земле. С течением времени, колоссальное количество работы, затраченное на оборудование помещений и лагерей, сделали их совершенно неузнаваемыми в смысле удобства, а с наступлением теплых дней жилищный вопрос сразу утратил свою остроту, так как сухое лето давало полную возможность спать на воздухе.

Все, что было достигнуто в Галлиполи, самый характер и строй жизни — все это носило отпечаток воли и энергии генерала Кутепова. Условия, в которые был поставлен Корпус, мало способствовали поддержанию дисциплины и организации, и общее со-

стояние духа скорее должно было вызвать полную дезорганизацию и окончательно разрушить последние остатки Армии. Однако, Армию необходимо было сохранить; если оставшие Крым войска, после невиданной в истории эвакуации, не растворились в гражданском населении, если русские в Галлиполи не попали за проволоку и не оказались в концентрационном лагере, под командой французских сержантов, то это заслуга, главным образом, генерала Кутепова. К своей цели, восстановления Армии, генерал Кутепов шел вполне прямолинейно, не считаясь с тем, что его действия могут вызвать ропот. Но главное его значение сказалось не в том, что он возродил на Галлиполийском берегу Русскую Армию, не в его заботах о солдатах и не в том значении, которое он добивался придать офицерскому званию. Главное заключалось в том, что он сумел свою любовь к Родине и свою веру в конечный успех дела перелить в возрождающуюся Армию и именно это так тесно связало и слило его с Корпусом.

Весьма острый вопрос о сдаче оружия, возникший еще на Босфоре, разрешился, в конце концов, в пользу Корпуса. Переговоры о сдаче намеренно затягивались, когда же эти оттяжки привели, наконец, к категорическому требованию французов сдать оружие, то на это был дан не менее категорический ответ, что оружие не будет сдано добровольно и может быть отнято только силой. В результате, Корпус до конца своего пребывания в Галлиполи сохранил свое оружие. Не имея, таким образом, возможности применить силу, французское командование все же добивалось рассеяния армии подпольными путями, то есть посылкой агитаторов в части Корпуса для пропаганды переселения в Бразилию, Советскую Россию и другие страны. Особенно характерны его вызывания к чести и достоинству русских, подкрепляемые обещаниями сокращения и даже совершенного лишения пайка. Тут же заключались обычные жалобы на обременение французского бюджета, назначение решительных сроков кормления и попреки пайком. Подобные требования не могли быть объяснены только вопросом денежного расчета — ведь для покрытия своих расходов правительство Французской Республики взяло себе значительные ценности, заключающиеся в русских торговых судах и другом имуществе, свыше, чем на сто миллионов франков.

Русский Корпус, в общем, спокойно относился ко всем этим мерам французского командования, он только теснее сплотил свои ряды, сохраняя полную лояльность к представителям французского гарнизона и проявляя вместе с тем по отношению к ним решительную твердость и упорство. Такая решимость русских поставила французов в довольно затруднительное положение: с одной стороны распоряжением французского Правительства русские войска должно было превратить в обычную бессловесную беженскую массу, с другой — Корпус твердо решил защищать свою военную организацию.

Реальная воинская сила, которую представлял из

себя Русский Корпус, не позволяла французам применить открытое вооруженное воздействие и таким образом распоряжение Французского Правительства осталось не приведенным в исполнение.

Создавшееся положение было правильно учтено Командиром Корпуса и надлежаще приято французским командованием и, благодаря тактичным действиям обеих сторон, все острые вопросы решались в общем мирно, но все же местные французские власти пользовались всяким случаем, чтобы указать на зависимость русского командования от них. Так, были крайне затруднены поездки из Галлиполи в Константинополь и обратно, а генералу Врангелю было воспрещено посещать лагеря Русской Армии.

Вот выдержка из доклада представителя Земско-Городского Комитета при Русском Корпусе в Галлиполи в Главный Комитет:

“Совершилось Русское Национальное чудо, пораившее всех без исключения, особенно иностранцев, заразившее не причастных к этому чуду и, что особенно трогательно, несознаваемое теми, кто его творил.

Разрозненные, измученные духовно и физически, изнуренные остатки Армии генерала Врангеля, отступившие в море и выброшенные зимой на пустынный берег разбитого городка, в несколько месяцев создали, при неблагоприятных условиях, крепкий центр Русской Государственности на чужбине, блестяще дисциплинированную и одухотворенную армию, где солдаты и офицеры спали, работали и ели рядом, буквально из одного котла, — армию, отказавшуюся от личных интересов, нечто вроде нищенствующего Рыцарского Ордена, только в русском масштабе, величину, которая своим духом притягивала к себе всех, кто любит Россию”.

16 июля 1920 года в торжественной обстановке был открыт Галлиполийский памятник. Памятник этот, построенный автором его же проекта, поручиком Технического полка Акатьевым, представляет из себя род кургана, напоминающий шапку Мономаха и увенчанный мраморным крестом, тип которого был взят позже для “Галлиполийского Знака”. На переднем фасае его — Русский Государственный герб — двуглавый орел, а под ним мраморная доска с надписью на четырех языках: русском, французском, турецком и греческом. Надпись эта гласит: “Упокой, Господи, души усопших. I-ый Корпус Русской Армии своим братьям-воинам, вь борьбѣ за честь родины нашедшимъ вечный покой на чужбинѣ вь 1920-21 годахъ и в 1854-55 г.г., и памяти своихъ предковъ-запорожцевъ, умершихъ вь турецкомъ плѣну”. Для постройки этого памятника, согласно приказа по корпусу, каждый, не взирая на чин и служебное положение, должен был принести по одному камню. Таким образом, в несколько дней было принесено 24.000 камней и постройка началась.

Мысль ознаменовать “Галлиполийское сидение” особым знаком зародилась по мере того, как затяги-

вался срок пребывания в Галлиполи, и летом 1921 года была создана комиссия по выработке особого нагрудного знака, председателем которой был назначен командир Марковцев генерал-майор Пешня. Предполагалось первые знаки изготавливать здесь же в Галлиполи при местных скудных материальных и технических средствах, в идею оформления знака была заложена максимальная простота формы и материала. По этим же соображениям отказались от ленты. В результате остановились на прямом, плоском, равноконечном железном черном кресте, с надписью "Галлиполи" по горизонтали и датами "1920-1921" по вертикали. Надписи некрашенные, цвета металла, так же, как ободок и срез внешнего края; середина же черного цвета.

Главкомандующим генералом Врангелем проект этот был одобрен и приказом от 15 ноября 1921 года за № 369 был им утвержден "Нагрудный знак в память пребывания Русской Армии в военных лагерях на чужбине с надписью "Галлиполи" и датами "1920" — "1921", причем право на ношение знака было распространено и на другие лагеря Русской Армии с соответствующими надписями.

По идее Галлиполийский знак — железный крест, но от железа с самого начала пришлось отказаться, так как оно оказалось трудно для выделки при пользовании самими примитивными инструментами, быстро ржавеет и потому знаки делались из особого мягкого сплава темно-свинцового оттенка.

В конце того же года начали изготавливать знаки в Галлиполи, сначала в мастерских Технического полка, а затем в Артиллерийской мастерской. Материалом для них служил разный металлический лом, вроде консервных банок, частей старых германских и турецких походных кухонь и повозок, а также 15-ти сантиметровые германские снаряды, склад которых был обнаружен недалеко от берега моря. Черную краску употребляли тоже самодельную. Работа над знаками была долгой и кропотливой, — каждый знак делался вручную. Эта работа велась по праздникам, в свободное от занятий время. Первый "удачный" крест был поднесен Генералу Кутепову — ПЕРВОМУ ГАЛЛИПОЛИЙЦУ.

Получались довольно грубые кресты, однако, в сущности, единственные правильные по своему размеру, оригинальности и примитивности выделки — теперь очень редкие и трудно находимые (рис. № 1). Сделано их было весьма ограниченное количество и далеко не все галлиполийцы в лагерях их получили, так как их надо было покупать, получая же всего одну турецкую лиру в месяц, не всякий был способен заплатить за такой крест пол-лиры, то есть, половину своего месячного жалованья.

Наконец, удалось получить согласие Югославии и Болгарии на переброску туда частей Русской Армии. Первая отправка произошла 4-го августа 1921 года, затем 28-го и 31-го того же месяца. Казалось, так дружно начавшаяся переброска частей в Балканские

страны позволит ранней осенью покинуть Галлиполи, но совершенно неожиданно она вдруг прервалась на долгий срок. Только 25-го ноября возобновилась эвакуация и 14-го декабря прибыл последний пароход за последним эшелоном в Болгарию. С этим пароходом отбыл и Генерал Кутепов и в Галлиполи остались части Технического и Учебно-Кавалерийского полков, предназначенные для отправки в Югославию, однако, категорическое обещание последней принять их было нарушено и в течение долгих двух лет они по-прежнему перевозились на работы в Венгрию.

Распоряжением Генерала Врангеля от 30 июня 1923 г. за № 61 для чинов отряда русских войск дольше всех несших тяготы жизни в Галлиполи, были установлены новые даты на нагрудном знаке, а именно: "ГАЛЛИПОЛИ 1920-1923".

Оставляя Галлиполи, Генерал Кутепов в своем обращении к войскам сказал: "Вы целый год носили крест; теперь этот крест носите на груди. Объедините же вокруг этого креста русских людей, носите честно русское имя и не давайте никому русское знамя в обиду".

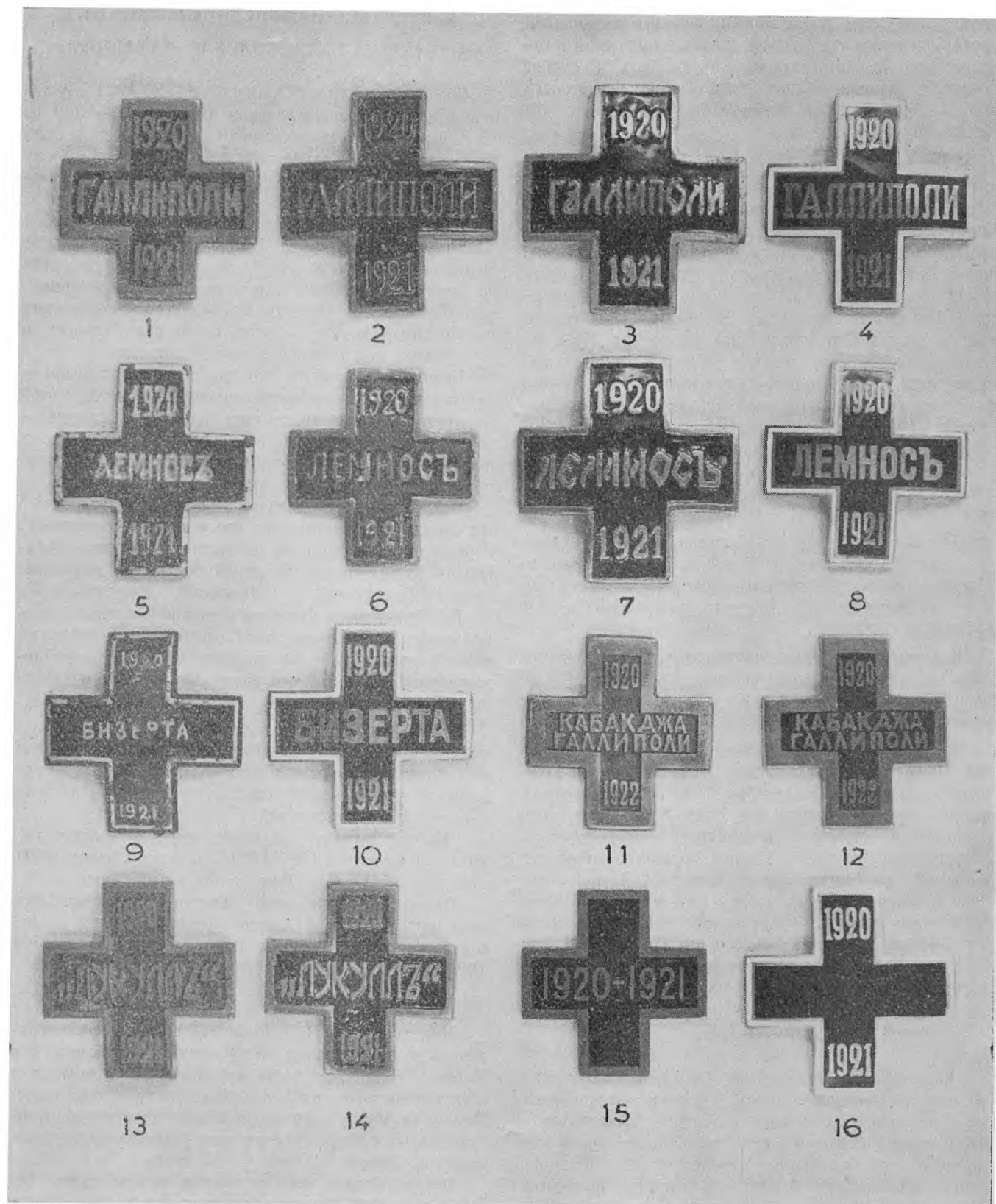
По переселении в славянские страны, Галлиполийцы, (продолжая носить военную форму одежды), начали заказывать кресты в частных мастерских. Конечно, эти кресты были изящнее и красивее, из более ценных металлов, чем прежние "примитивы". В Болгарии материалом для знака являлась бронза, надпись, даты и края сторон — золоченные, а знак покрыт черным матовым лаком и был немного большего размера, чем оригинальный, сделанный в Галлиполи, (Рисунок № 2).

В Югославии знаки выбивались также из бронзы, были покрыты черной эмалью, надпись и даты — славянскими буквами серебром, они были еще большего размера, чем болгарские. (Рисунок № 3).

Наконец, позже во Франции в Париже появились знаки, сделанные из бронзы и даже из серебра, покрытые черной эмалью с белой узкой эмалевой полоской по внешним краям стороны с серебряными надписью и датами. (Рисунок № 4). Эти кресты отличались тонкостью ювелирной работы и своим изяществом и были делом рук мастера капитана В. Н. Югоявленского, достигшего большой художественности в исполнении всех решительно знаков, жетонов и др. вещей его фабрики.

В Германии, в Берлине существовало "Производство русских знаков отличия" под маркой "МЕ": (М. К. Евгеньева), основанное еще в 1922 году. В каталоге этой фирмы указаны кресты "Галлиполи", "Бизерта", "Лемнос", видеть такие кресты мне не привелось, однако, я не сомневаюсь, что и они были прекрасной, тонкой работы, о чем я могу судить, зная некоторые другие произведения этой фирмы.

В двух последних странах выделялись также миниатюрные крестики — точные копии больших. За время пребывания в Галлиполи члены Корпуса настолько сплотились, что самая мысль о разделении ча-

Все кресты изображены в натуральную величину.

стей с переездом в Балканские страны омрачалась представлениями об исчезновении создавшегося единения. Вот это обстоятельство и вызвало к жизни "Общество Галлиполийцев", ясной задачей которого было — поддержать в дальнейшем единение тех, кто был когда-то в Галлиполи.

Общество Галлиполийцев, основанное 22 ноября 1921 года в Галлиполи, имело своей основной целью быть восприемником организации I-го Армейского Корпуса, в случае требования со стороны союзных правительств ликвидировать чисто военную организацию в Галлиполи и на Лемносе, чего Главное Командование могло вполне ожидать. Устав Об-ва был утвержден Генералом Врангелем 22 ноября 1921 года и вторично, несколько измененный 22 ноября 1924, по каковому уставу Об-ва живет и теперь. Действительными членами Об-ва являются все чины Русской Армии, имеющие право на ношение нагрудного знака "Галлиполи". (Во время торжественного открытия, "Общество Галлиполийцев" включило в свой состав всех, находившихся в этот день в Галлиполи, не исключая женщин и детей, которые претерпели и пережили весь этот год).

Наружной эмблемой "Общества Галлиполийцев" установлен Галлиполийский крест. Члены Общества обыкновенно носили миниатюрную модель этого креста в петлице статского костюма, а женщины в виде брошки.

Как внешний символ единения членов Общества, было установлено еще и кольцо с надписью "Галлиполи", право ношения которого имели все члены Общества.

В "Описании и правилах ношения кольца для членов Общества Галлиполийцев", утвержденных Генералом Врангелем 18 декабря 1921 года, говорится: кольцо железное, ширина его ленты 8 мм. края ленты с наружной стороны заовалены, на ней надпись: "Галлиполи" и "№". Цифры номера соответствуют номеру по списку членов Общества. Ширина надписи и номера 3.75 мм., длина надписи 28 мм. Кольцо носится на безымянном пальце левой руки и может быть приобретено только через Правление Общества, которому принадлежит исключительное право на изготовление кольца.

Действительными членами Общества имеют право быть: 1) воинские чины, имеющие удостоверение на право ношения знака с надписью: "Галлиполи" и "Кабакджа-Галлиполи"; 2) гражданские лица, женщины и дети, имеющие удостоверения на право ношения креста или брошки с теми же надписями; 3) чины I-го Корпуса, Кавалерийской дивизии и Русской Эскадры, имеющие удостоверения на право ношения знаков с надписями: "Лемнось", "Бизерта", "Чатаджда" и без надписи с датами "1920-1921".

2. КРЕСТЫ С НАДПИСЬЮ «ЛЕМНОСТЬ», «КАБАКДЖА-ГАЛЛИПОЛИ» И «ЧАТАЛДЖА»

Крест с надписью "Лемнось" "1920-1921", установленный приказом Генерала Врангеля, № 369 от 15 ноября 1921 года, по смыслу приказа, должен быть таким же, как и галлиполийский, однако, по своему внешнему виду он значительно отличается от последнего.

Первые кресты были сделаны из железа, надписи "Лемнось" и даты "1920-1921" были не выпуклы, а вырезаны и покрыты белой краской, также и кайма по краям сторон была белая, крест же был черный. (Рисунок № 5). Изготавливались они в Технических мастерских Донского Корпуса, на острове Лемносе, и были очень примитивной и грубой выделки.

Повидимому, работы тех же мастерских были и другие, несколько меньшего размера, кресты, с той же надписью и датами, из сплава, подобно оригинальному Галлиполийскому, с выпуклыми буквами и цифрами, покрытые черной краской, тоже довольно примитивной внешности. (Рисунок № 6).

В Болгарии и Югославии кресты штамповались в тех же частных мастерских, что и крест "Галлиполи", и были по размеру, цвету и металлу с ним совершенно идентичны, с разницей только в надписях: вместо "Галлиполи" — "Лемнось". (Рисунок № 7).

Во Франции, в Париже появились кресты высеребрянные, бронзовые или серебряные, покрытые черной эмалью с белой эмалевой каймой и серебряными надписью и датами, были они изящны и красивы. (Рисунок № 8).

Оборотная сторона всех крестов — гладкая с припаянным винтом с гайкой для ношения. Номера встречаются только на некоторых примитивных, большинство же номеров не имело. Это относится ко всем крестам и другим лагерей.

"Крест "Лемнось" в отличие от креста "Галлиполи" имел только даты "1920-1921", так как к концу 1921 года все казаки с о. Лемноса были вывезены.

Право ношения этого креста предоставлялось всем чинам Русской Армии, бывшим в одном из лагерей острова Лемноса в период времени с ноября 1920 по 15 ноября 1921 года.

При эвакуации Крыма, в 1920 году, казаки грузились в двух пунктах: в Феодосии — кубанцы и в Керчи — донцы и часть кубанцев. По прибытии в Константинополь, кубанцы были направлены на о. Лемнос, а донцы распределялись в окрестностях Константинополя, хотя впоследствии были также перевезены на Лемнос.

Остров Лемнос был, в полном смысле слова, водяной тюрьмой. Скалистый и пустынный, без единого деревца, без воды... Достаточно мрачные условия жизни, в Галлиполи были тут еще мрачнее. Условия жизни в палатках, которые промокали даже от не-

большого дождя и буквально были заливаемы колоссальными здешними ливнями, страшная скученность в них, отсутствие одеял и даже соломы для подстилки, насекомые, холод и полуголодный паек — все это вызывало крайне удрученное состояние духа.

Донские казаки были расквартированы в трех пунктах: в 85 км. от Константинополя находилась турецкая деревушка Чилингир. На одной из ее окраин в заброшенном имении, где было около десяти пустующих овчарен — должна была поселиться часть донцов. Эти овчарни, с развалившимися крышами, загаженные пометом, служили теперь помещением для казаков, а 3-й Донской запасный батальон помещался вместе с овцами и лошадьми. Но и эти овчарни не могли принять всех — часть казаков оставалась под открытым небом и спешно уходила в землю, строя себе землянки. Скученность, недостаток питания, общие антисанитарные условия были таковы, что уже 8 декабря появилась в Чилингире холера и только энергичными мерами и строгим карантинном была ликвидирована к началу января.

Военные мероприятия для поддержания воинского духа и вида понемногу изменяли жизнь донцов и вскоре они представляли собою уже оправившиеся воинские части.

Другая часть донцов была расположена в деревушке Санджак-Тепе, в полутора километрах от станции Хадем-Кей и размещена в деревянных бараках, часть же устроилась в землянках. Условия жизни, очень тяжелые с точки зрения нормальной обстановки, были все же несравненно лучше чилингирских и жизнь сразу стала налаживаться. Все это сразу сказалось на общем настроении — здесь была вера в Армию, здесь было яркое сознание воинского долга и бесконечная преданность Главнокомандующему.

Когда французы попытались отправить казаков на Лемнос, произошло кровавое столкновение и французское командование было вынуждено просить генерала Врангеля отдать от своего имени соответствующий приказ. Генерал Врангель поставил условием, чтобы казакам было гарантировано питание на Лемносе, и, получив заверение в этом, отдал приказ о переброске на Лемнос, немедленно казаками исполненный.

Жизнь в Санджак-Тепе напоминала несколько Галлиполи: организовался театр, читальня, устраивались лекции и сообщения, были обще-образовательные курсы, обучались ремеслам. Этот лагерь был ликвидирован к 3 января и казаки перевезены на о. Лемнос.

Третья часть Донцов находилась в красивой лесистой местности в имении Кабакджа, в десяти километрах от полуразрушенного городка Чатаджи.

Сперва, под влиянием почти полной голодовки, начались побег; потом продовольственный вопрос наладился, наступила весна, появились частные заработки и казаки приделались — имели хорошие сапоги, фуражки и шаровары с лампасами. Была устроена читальня, библиотека, церковь и театр, в котором подвизались две труппы — русская и украин-

ская. Все это очень скрашивало жизнь в этом лагере и общий дух окреп. Кабакджинцы оставались здесь до поздней осени, когда части их были перевезены в Галлиполи. Поэтому все чины, бывшие в этом лагере имеют право на пошение особого креста с двойной надписью: "КАБАКДЖА - ГАЛЛИПОЛИ" и датами "1920-1922".

Сперва, этот крест фабриковался в Галлиполи из того же сплава, что и "Галлиполийский", но был несколько лучшей выделки. (Рисунок № 11).

Впоследствии во Франции, в Париже было сделано небольшое количество совершенно точных копий этого креста, из вызолоченной бронзы, покрытых черной эмалью. (Рисунок № 12).

Кроме того, существовал еще крест, с надписью "ЧАТАЛДЖА" и датами, тоже из примитивного сплава (такого креста, к сожалению, не имеется в моем собрании и потому описать его более точно я не имею возможности).

В начале 1921 года премьер-министр Франции заявил о прекращении финансовой и материальной помощи Армии с 1 февраля 1921 года. После целого ряда мер, принятых Главным Командованием, Командующий французским Оккупационным корпусом генерал Шарпи уведомил официально, что "французское правительство не намерено оставлять на произвол судьбы русских беженцев". Однако, в середине марта, верховный комиссар Франции генерал Пелле сообщил генералу Врангелю, что, согласно полученным из Парижа распоряжениям, довольствие армии прекращается с 1 апреля, поэтому чинам армии необходимо притти к одному из трех решений: 1) выехать в Советскую Россию, 2) эмигрировать в Бразилию, 3) искать себе частного заработка. Главнокомандующий ответил, что он не может рекомендовать ехать в Советскую Россию на верную смерть или в Бразилию — на полную неизвестность.

Тогда началась та постыдная страница франко-русских отношений, когда — из желания снять лишних людей с отпускаемого пайка — местные агенты французской власти повели открытую агитацию против русского командования и уговорами, и угрозами пробовали привести приказ в исполнение. Перед русскими в самой категорической форме ставилось требование сделать выбор: погибать от голода, возвращаться к большевикам или ехать в Бразилию. Подобное отношение французских властей вызвало среди русских глубокое возмущение. В самый последний момент возник новый и совершенно непредвиденный конфликт с французами из-за плана реэвакуации.

Генерал Врангель считал необходимым в первую очередь разгрузить Лемнос, французы же требовали в первую очередь разгрузки Галлиполи. В этом лежала, конечно, глубокая политическая и стратегическая причина: как только I-й Корпус уходил с полуострова — штаб генерала Врангеля терял могущественную поддержку бесконечно преданных ему частей и оставался предоставленным самому себе.

Французский генерал Пелле писал Главнокомандующему: ...“все русские, живущие в лагерях, должны знать, что армии генерала Врангеля больше не существует и что их бывшие начальники не имеют права отдавать им какие либо приказания... Я заключаю из ваших слов, что контингенты должны перевозиться в Сербию с палатками, походными кухнями, госпитальным и хозяйственным имуществом. Я позволю себе напомнить, что Сербское правительство до сих пор всегда подчеркивало свое намерение оказать приют беженцам, а не армии. Важность этого различия с международной точки зрения не может от вас ускользнуть. Поэтому я считал бы недопустимым, чтобы имущество, которое возьмут беженцы, носило характер военного груза”.

Генерал Врангель ответил письмом от 16 мая 1921 года: “Желание Французского правительства, чтобы “армия генерала Врангеля не существовала и чтобы “русские в лагерях” не выполняли приказаний своих начальников, несомненно разделяемое Вашим Превосходительством, отнюдь не может быть обязательным для “русских в лагерях” и, пока “лагери” существуют, русские офицеры и солдаты едва ли согласятся в угоду французскому правительству изменить своим знаменам и своим начальникам.

Что касается принятия мною самостоятельных решений, чему по вашему заявлению вы намерены воспротивиться, то я, к глубокому сожалению, вынужден право это все же оставить за собой. В заключение, я позволю себе остановиться на вопросе о снабжении отправляемых в Сербию людей. Вполне разделяя Ваши соображения избегать всякого намека на военный характер материальной части отправляемых партий, я все же полагаю, что кров и пища одиноково необходимы и солдату, и рабочему”.

Резкий обмен письмами и целый ряд дипломатических шагов и на этот раз заставили французов уступить. Армия начала грузиться по плану и была вывезена в Балканские страны.

3. КРЕСТ С НАДПИСЬЮ «БИЗЕРТА»

В декабре 1920 года решилась судьба Русского флота, ушедшего с Армией генерала Врангеля из Крыма.

Для покрытия издержек, понесенных Францией, ей было передано для эксплуатации 50.000 тонн торговых судов, а военные суда, под Андреевским флагом, ушли в Бизерту. Тяжелый карантин, с запрещением сообщаться друг с другом, был наложен на прибывшие в Бизерту суда. Наконец, разрешили сообщение, но люди около двух месяцев не сходили с судов и, если войскам надо было много мужества, чтобы сохраниться, то поистине много труднее было флоту сохранить единство и спайку в подобных условиях. Семьи и лица, могущие найти себе труд, были высажены в окрестностях Бизерты; в 5 километрах, на

форту Джебель-Кебир, был размещен Морской кадетский корпус, почти лишенный учебных пособий и средств. Он, подобно Военным училищам в Галлиполи, охранял в юношах веру, бодрость, дисциплину и сознание долга.

Трудно перечислить все те лишения, всю ту работу и тяжелую невиданную борьбу, которая велась этими скромными героями — это все тот же Галлиполи и Лемнос, в разных размерах, формах и проявлениях. То же постоянное напряжение, та же мысль о России, та же борьба за достоинство Русского флага, доброго имени и личной чести. Обстановка была будничная и угрюмая, да и мир не склонен был к лицемерию подвигов и геройства. Андреевский флаг не развевался больше по европейским портам. Так же, как и везде, благородное поведение русских моряков вызывало удивление и преклонение французских властей; так же, как и везде, эти власти требовали, под давлением своего правительства, ряда тяжелых уступок и так же, как и везде, наступил день, когда официально Русский флот перестал существовать. 30 октября 1924 года в 17 ч. 24 м. в последний раз был спущен Андреевский флаг, более 200 лет носимый кораблями Российского Императорского Флота. Лагери под Бизертой были ликвидированы — Франция признала Советы.

Кресты “БИЗЕРТА 1920-1921”, на которые, согласно того же приказа № 369, имели право все лица, находившиеся на кораблях и в лагерях Бизерты, по своему примитивному виду схожи с Галлиполискими и Лемносскими и выделялись на месте в мастерских транспорта “Кронштадт” и Морского кадетского корпуса.

Крест из железа покрыт черной краской, с белой каймой по краям сторон. Надписи и даты вырезаны вглубь, и буквы, и цифры залиты белой краской. Выпуклых букв, как на кресте “Галлиполи”, не встречается. (Рисунок № 9), хотя бесспорно, благодаря хорошо оборудованному мастерским транспорта “Кронштадт”, Бизерта была поставлена несравнимо в более выгодные условия для выделки крестов, чем остальные лагеря, где эта выработка шла вручную и самыми примитивными инструментами.

После ликвидации лагерей в Бизерте моряки частью распылились по Африке, частью же перешли во Францию или Соединенные Штаты.

Во Франции появились в продаже бронзовые и серебряные кресты “БИЗЕРТА” нормального и миниатюрного размеров — изделия В. Н. Богоявленского. Они часто серебряные, покрыты черной эмалью с белой эмалевой каймой и серебряными надписью и датами. (Рисунок № 10).

В Балканских странах крестов “БИЗЕРТА” не делалось, но производство их существовало в Германии, где этим занималась фирма М. Е. (М. К. Евгеньева). Таких крестов мне видеть не пришлось, почему я и не имею возможности сказать о них более подробно.

4. КРЕСТ С ДАТАМИ «1920—1921», БЕЗ НАДПИСИ

Для чинов Русской Армии, состоявших на службе, но не находившихся в одном из военных лагерей, а проживающих в Константинополе (чины Штаба и Ксвоя генерала Врангеля, Военный и Морской Агенты, коменданты беженских лагерей) и в других местах за-границей, тем же приказом Главнокомандующего № 369 от 15 ноября 1921 г. был установлен особый крест, по своей форме и размеру тождественный вышеописанным крестам, но без надписи, обозначающей название лагеря, а только с памятным датами «1920-1921», причем эти даты помещались не на вертикальных, а на горизонтальных сторонах креста.

Существовало две разновидности этого креста: 1-ый из сплава натурального цвета или покрытого черной краской, с цифрами выпуклыми, по своей грубой выделке, схожий с галлиполийским примитивом, сделанный в тех же мастерских, что и последний, и 2-ой — из желтой меди, покрытой черной эмалью с золочеными цифрами и золоченной широкой каймой по краям сторон. Он был несколько меньшего размера и заказывался в частной мастерской в Константинополе, был довольно изящный и красивый. (Рисунок № 15).

Крестов с датами «1920-1921» встречается немного; объяснением чему является небольшое количество награжденных, так как вне лагерей на службе в армии числилось весьма ограниченное число лиц.

Впоследствии, в Париже мастером капитаном Богоявленским были выпущены в продажу кресты с датами его изделия, как нормального размера, так и миниатюрные, оба очень хорошей работы, покрытые эмалью и иногда даже серебряные, но, к сожалению, даты на этих крестах были им поставлены неправильно — не по горизонтали, а по вертикали. (Рисунок № 16). Это обстоятельство, ввиду довольно большого количества появившихся в продаже таких фантастических крестов, естественно может возбудить понятное сомнение у будущего собирателя в его определении — какой же из этих двух крестов правильный? Единственные правильные — это кресты из сплава и медные константинопольские с «горизонтальными» датами. Кресты Парижские — высеребрянные, покрыты черной эмалью с белой эмалевой каймой.

5. КРЕСТ С НАДПИСЬЮ «ЛУКУЛЬ»

По смыслу приказа № 369 крест с датами «1920-1921» предназначался также экипажу яхты Главнокомандующего «Лукулль», как известно, по злому умыслу, потопленной 15 октября 1921 года на рейде Босфора. Яхта была протаранена шедшим из Батума итальянским пароходом «Адриа». Командир яхты, старший лейтенант Б. Н. Степанов, не удовлетворился крестом с датами, считая это недостаточным, и возбудил перед Главным Командованием ходатайство об

установлении надписи «Лукулль» на кресте для чинов экипажа яхты и распоряжением генерала Врангеля 3-го января 1922 года эта надпись была утверждена.

Награждение крестами последовало уже после гибели «Лукулла» и к этому времени часть команды корабля была отправлена в Прагу для продолжения образования, остальная часть, вместе со своим бывшим командиром, уехала в Варну в Болгарию, куда прибыли также части армии из Галлиполи и, между прочим, Технический полк. В мастерской этого полка, в Варне, для бывшего командира яхты «Лукулль» был сделан единственный крест, с соответствующей надписью и датами.

Крест этот представляет собой обычный примитив, типа Галлиполийского, такого же размера, из такого же сплава, покрытый черной краской, с выпуклыми буквами, цифрами и каймой, надписью «Лукулль» и датами «1920» и «1921». (Рисунок № 13). По самым достоверным сведениям, кресты с подобной надписью больше нигде и никогда не изготовлялись.

Право ношения креста «Лукулль» имѣли 6 офицеров яхты, команда — 33 человека, чины конвоя Главнокомандующего — 18 человек и их семьи, то есть, всего без семей — 57 человек. Все они получили соответствующие удостоверения на право ношения, однако, крестами снабжены не были.

Благодаря исключительной любезности старшего лейтенанта Б. Н. Степанова, я получил от него не только все исчерпывающие документальные данные относительно этого креста, но и самый крест — уника был им передан в мое собрание. Пользуясь им, как образцом, мною были заказаны из желтой меди, покрытой черным лаком, 10 точных его копий (рисунок № 14), из них два были переданы ст. лейтенанту Б. Н. Степанову и его бывшему старшему офицеру ст. лейтенанту В. М. Костенко, остальные восемь разошлись среди коллекционеров.

6. КРЕСТ БЕЗ НАДПИСИ И БЕЗ ДАТ

Наконец, приказом Русскому Обще-Воинскому Союзу за № 24 от 28 апреля 1938 года, по ходатайству председателя Общества Галлиполийцев, был установлен знак, тождественный со знаком в память пребывания в Галлиполи — черный крест, но без надписи и без дат. Предназначался этот крест для членов Общества Галлиполийцев, не бывших ни в одном из лагерей и не состоявших участниками Белого Движения на Юге России, но сражавшихся против большевиков на других фронтах Гражданской войны 1917-1922 г.г. Крест этот остался на бумаге и ни в большом, ни в малом виде не существовал.

В заключение, необходимо добавить, что миниатюрные крестики для ношения в петлице статского костюма или в виде брошки существовали только с надписью: «Галлиполи», «Жемчужина» или «Бизерта».

П. В. Пашков

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

1. Полк. Ген. Шт. А. Зайцов "1918 год". Очерки по истории русской гражданской войны, 1934.
2. "Белое Дело", под редакцией А. А. фон Лампе. Берлин 1926-1933.
3. А. И. Деникин. "Очерки русской смуты". Берлин 1926 г.
4. А. Суворин. "Поход Корнилова". Ростов н/Д. 1919.
5. "Корниловский Ударный полк". Париж 1936.
6. "Часовой" — военно-исторический журнал. Париж-Брюссель, 1929-1960.
7. "Армия и Флот" — военный справочник, изд. "Часовой". Париж, б. д.
8. Ген. Денисов. Альбом "Белая Россия". Нью-Йорк, без даты.
9. "Дневник генерала Дроздовского". Берлин 1928 г.
10. А. А. фон Лампе. "Орден Святителя Николая Чудотворца". Юрьев, 1937.
11. А. П. Родзянко. "Воспоминания о Северо-Западной Армии". Берлин 1921.
12. "История Марковской Артиллерийской бригады", изд. исторической комиссии. Париж 1931.
13. "Генерал-от-Инфантерии Н. Н. Юденич". К 50-летию юбилею. Изд. Парижского Юбилейного Комитета.
14. "Служба связи Ливенцев и Северозападников". Данциг.
15. Василий Горн. "Гражд. война на Северо-Западе России". Берлин 1923.
16. Г. Кирдецов. "У ворот Петрограда 1919-1920". Берлин, 1921.
17. Генерал-майор, кн. П. Авалов. "В борьбе с большевизмом". Гамбург, 1925.
18. Г. К. Гинс. "Сибирь. Союзники и Колчак", 1918-1920. Пекин 1921 г.
19. М. И. Смирнов. "Адмирал Колчак", биограф. очерк. Париж, 1930.
20. Б. Филимонов. "Белополюсники". Шанхай, 1932.
21. Славянофил. "Чешские Аргонавты в Сибири". Шанхай, 1932.
22. Полк. Енборисов. "От Урала до Харбина". Шанхай, 1932.
23. Е. Семчевская. "Очерки из Сибирского Ледяного похода". Шанхай, б. д.
24. "Луч Азии", журнал. Харбин, 1940.
25. "Главнокомандующий Русской Армией, генерал барон П. Н. Врангель", сборник статей под редакцией А. А. фон Лампе. Изд. Медный Всадник. Берлин (без даты).
26. Генерал Кутепов — сборник статей. Париж, 1934.
27. Ген. Н. Н. Головин. "История русской контр-революции". Париж, 1937 г.
28. В. Даватц. "Годы". Белград, 1926.
29. "Русские в Галлиполи", сборник. Берлин, 1923.
30. В. Даватц и Н. Львов. "Русская Армия на чужбине". Белград, 1923.
31. С. Рытченков. "259 дней Лемноского сидения". Париж, 1933.
32. "Сфаят" (из жизни Морского корпуса в Бизерте). Париж 1935 г.

Случай на берегу Пилицы

(Отрывок из воспоминаний).

Хотя это обыкновенно и не делается, но хочу я однако рассказать один свой служебный промах, интересный, по моему, с психологической точки зрения. Произошло это со мной в конце 1914 года.

Чтобы дать читателю возможность лучше понять этот мой промах, позволю себе рассказать прежде всего кое-что о самом “провинившемся”. Во-первых, был я тогда кадровым офицером и состоял уже четвертый год в рядах своего полка. Во-вторых, с самого же начала войны находился я с полком на фронте, т. е. ко времени, к которому относится мое повествование, имел уже за собой всю восточно-прусскую эпопею начала войны, потом Августовские леса, наше вторичное вторжение в Вост. Пруссию и, наконец, оборону Петрокова. Причем подчеркиваю, что все это проделал я тогда не в штабах, а в строю своего эскадрона, участвуя в целом ряде боев, разведках, разных опасных боевых предприятиях, действиях и т. д. Одним словом, казалось бы, что все это пройденное и пережитое достаточно закаляло меня для каждого положения, с которым пришлось бы мне и в дальнейшем встретиться на фронте. Принимая все это во внимание, читатель видит, что неопытным повичком я ни в коем случае давно уже не был.

Однако, несмотря на все это, однажды произошло со мной нечто, что вызвало во мне временную утрату самообладания, благодаря этому смогло охватить меня паническое настроение, которое и вызвало тот служебный промах, о котором я хочу здесь рассказать. Но самое интересное это то, что случай этот произошел ни в непосредственной боевой обстановке, ни под влиянием какой либо грозящей мне лично опасности.

Произошло это приблизительно в середине декабря 1914 г. Кавалергардский полк занимал тогда по несколько суток подряд какую-то пародию окопов вдоль правого берега Пилицы. После чего сменяли его части Забайкальской казачьей бригады и он уходил в резерв. Такая процедура повторялась несколько раз в течении этого декабря.

В одно такое декабрьское утро 1914 года Кавалергардский полк был опять сменен в своих ямках-окопах одним из полков Забайкальской казачьей бригады. По смене полк пошел в д. Брудзевицы, верстах в шести от Пилицы, где, находясь в резерве боевого участка, мог дня два отдохнуть. Меня же оставили в этот день с десятью кавалергардами в роще, близости дер. Вулька-Куликовска, откуда я должен был наблюдать за противоположным берегом Пилицы.

День был пасмурный, темный, к тому-же дождливый и холодный — типичный поздне-осенний день, когда человека ничто больше не радует, а тем более такого человека, который двое суток просидел на

короточках в своих примитивных ямках, официально называемых окопами. Подыскал я, на опушке, соответствующие пункты, которые распределил между очередными наблюдателями, а сам также расположился со своим биноклем где следовало. Однако, пронизывающий до мозга костей холодный ветер и дождь очень затрудняли нашу задачу, т. к. невозможно было подолгу усидеть без движения на месте. Приходилось от времени до времени прохаживаться или же греться по-извозничьи — подпрыгивая и размахивая руками. К тому же на нашем самочувствии определенно сказывались проведенные только что в окопах две бессонных ночи, а также то обстоятельство, что с вечера накануне мы не имели еще ничего во рту. А тут командир эскадрона, уходя с полком в Брудзевицы, оставил почему-то на мое попечение какие-то шесть германских винтовок, захваченных накануне при попытке германских разведчиков переправиться на участке эскадрона через Пилицу. Эти винтовки должен я был захватить с собой, когда получу приказание присоединиться к полку.

Так проходил час за часом. На противоположном неприятельском берегу не замечали мы ничего подозрительного. Казалось, что и немцам эта погода не подходила для их постоянных попыток переправиться на наш берег. Каждый из нас сознавал полную ненужность нашего пребывания на опушке этой рощи, а поэтому было скучно, мокро, холодно, неудобно! Единственное разнообразие в эту безпредельную скуку вносило какое-то одинокое германское тяжелое оружие, которое просто с какой-то хронометрической точностью выстреливало в нашу сторону ровно каждые 15 минут один чемодан, который со страшным треском и грохотом разрывался то вправо, то влево, то где-то позади нас в этой нашей безлюдной роще. Но ведь не стреляло бы оно так аккуратно, как бы по рецепту (— “каждые четверть часа по чайной ложке”), если бы немцы не намеревались сделать нам какую либо каверзу!

В этом монотонном однообразии час проходил за часом, а мы промокали и мерзли все больше и больше, а наши желудки бурчали от голода и не давали нам покою. Даже организованная мною для поднятия духа моих усталых невыспавшихся кавалергардов игра, что-то в роде лотереи — в каком направлении разорвется следующий, очередной чемодан, которая сначала забавляла их и заставляла забыть голод, холод и мокроту, мало по малу переставала действовать.

Поэтому радость моя была велика, когда один из кавалергардов обратил наше внимание на то, что в каких нибудь 300-400 шагах сзади нас, в гуще рощи, находится отдельная жилая халупа.

— А ну-ка, Перепелица, — обратился я к на-

ходящемуся со мной унтер-офицеру, пойдем посмотрим, может быть можно будет послать туда по очереди наших людей, чтобы погрелись, посушились бы они там, а может даже и перекусили.

Обрадованные этим неожиданным открытием и полные самых оптимистических надежд и предположений, пошли мы вдвоем к этой, казалось нам, так многообещающей халупе. Когда же мы приблизились к ней уже настолько, чтобы иметь возможность разглядеть, увидели мы, что, если и не был это какой-нибудь зажиточный двор, то все же халупа эта выглядела совсем прочной и, помимо своей почерпнувшей от времени соломенной крыши, имела внешне все данные, чтобы оправдать наши горячие надежды.

— Старушка! — сказал Перепелица и тут же дополнил свою оценку халупы старой солдатской поговоркой, что “на чужой стороне и старушка Божий дар”. “Будем надеяться, что эта поговорка оправдает наши надежды”, добавил я. В таком приподнятом и повеселевшем настроении подошли мы вплотную к халупе. Я нажал на ручку дверей и вошел в темные сени. Перепелица за мной. В полутьме нащупал я дверь во внутрь халупы и застучал. Однако ответа не последовало. Тогда нажал я на дверь, которая поддалась. Но, когда я взглянул во внутрь, у меня замелькали какие-то красные пятна перед глазами. Моя голова закружилась от сильного запаха крови, который ударил мне в нос. Мне стало плохо и, если бы Перепелица не удержал меня своими сильными руками, я грохнулся бы без сознания на землю.

Придя через несколько секунд в себя и взглянув снова, я был просто ошеломлен представившимся мне зрелищем. От потолка, вниз волосами, свисала человеческая голова, из которой капала на глиняный пол кровь. С того же потолка, немного далее, свисала окровавленная рука, нога в сапоге и обрубок другой ноги, но без сапога, а также разные окровавленные обрывки одежды. В стороне, на полу валялась другая голова или ее часть. Стены, деревянный стол, скамья, печь — все было как бы разукрашено прилипшими к ним частями многих человеческих тел — мозга, кишек, кусков окровавленного мяса, такими же лохмотьями одежды. Всюду были брызги крови, красные пятна, а, главное, запах, сильный запах крови. А на полу чернела громадных размеров кровавая лужа. Направо, в верхнем углу виднелась дыра, которую повидимому пробил только недавно разорвавшийся внутри халупы чемодан.

Я стоял как обалделый и от неожиданности удивленного, просто невообразимого, страшнейшего зрелища, не поддающегося никакому описанию, не был в силах сосредоточить свои мысли. Сколько времени стоял я так — не отдаю себе отчета. Из этого состояния, как бы духовного паралича, вдруг вырвал меня страшнейший, потрясающий и оглушающий грохот и треск

разорвавшегося тут же, поблизости халупы, очередного чемодана.

Теперь потерял я совершенно всякое самообладание, нервы не выдержали! Как обезумевший выскочил я из этой чудовищной, как бы заколдованной халупы и, вероятно просто не отдавая себе отчета, что делаю, крикнул своим кавалергардам: “По коням, садись!” Помню еще, как во сне, что мой вестовой Еловиков подвел мне моего “Героя” и мой маленький отряд, сначала галопом, потом рысью направился в направлении Брудзевиля на присоединение к полку.

К моему громаднейшему удивлению, мой эскадронный командир не только не разнес меня за самовольное оставление наблюдательного поста, но даже не полюбоществовал, почему я его покинул. Зато с места же спросил: “А где германские винтовки?” Тут только вспомнил я о них. Ясное дело, что глубоко потрясенный увиденным ужасом, я их совершенно позабыл. В моей голове не умещалось, что после всего того, что я только-что пережил в этой страшной халупе, можно еще интересоваться какими-то старыми, грязными, казалось мне, никому ненужными шестью винтовками.

Однако для Пантелеева мое душевное состояние не могло быть понятным, т. к. он еще даже ничего не знал о нем и о его причинах, а винтовки эти были ему почему-то нужны.

Поэтому в первый момент меня как-то обидно задел тот совершенно непривычный в наших всегда отличных, дружеских взаимоотношениях его официальный тон на “вы”, с которым обратился он ко мне, но не из-за того, что я без приказа оставил свой наблюдательный пост, а именно из-за этих винтовок: “Раз вы, господин корнет, позабыли их там, то потрудитесь немедленно же вернуться и привезти сюда эти винтовки”.

Позже узнал я, почему не коснулся он моего “бегства”. В то время, как я “постыдно” убежал из этой фатальной роши с ее как бы проклятой, страшной халупой, был мне уже послан приказ присоединиться к полку. Но, ввиду того, что посланный кавалергард ехал другой дорогой, я с ним разминулся.

Случай этот, может быть, интересен с психологической точки зрения. Совершенно пустячная, казалось бы, причина — неожиданно увиденное, разорванное на клочки человеческое тело, в то время как ожидалась уютная теплота, а может быть даже так желанная закуска, вызвали вдруг в уже испытанном в боях и в самых разнообразных, опаснейших боевых обстановках, в дисциплинированном кадровом офицере паническое настроение и, как следствие, — недопустимое оставление поста без приказа.

Несомненно, бессонные ночи и переутомление предыдущих двух суток в примитивных окопах, в напряженной боевой обстановке, внесли также свою долю в то, что такое служебное упущение могло вообще иметь место.

В. Кочубей

ДОРОГИЕ ГОСТИ

(Г. РОВНО. 1901 Г.)

Подпоручик Приходкин возвратился из двух-дневной командировки. С вокзала прямо домой, его ждал самовар с горячими бубликами.

— Здорово, Степан.

— Здравия желаю, Ваше Благородие. В батарее не булы?

— Нет, а что?

— Там у нас новына — до нашего новобранца Матвеева гости прыйшли.

— Какие гости?

— Батько та маты.

— Откуда, из Самары?

— Мабуть оттуда, бо вин самарский.

— Так значит, приехали, а не пришли.

— У том то и дило, що пишки прыйшли.

— Да ты что, Степан, обалдел, что ли? Знаешь сколько верст до Самары?

— Считать не считав, а тильке знаю, що далеко, бо наши новобранцы три дня поиздом йихали.

— Так как же они могли пешком прийти?

— А от же прыйшли, Идти подымиться на их, воны там коло батарей сидят.

Что за чудеса, думает Приходкин, Степан никогда не врет. Один раз только уверял, что есть страны, где “песи-головцы” живут. Это он слышал в театре от “поштенного чоловіка”, который там представлял и брехать не став бы.

Заинтересовавшись “пешеходами”, пошел он на батарею. Видит, действительно, около батарейных дверей стоит его новобранец Матвеев и около него мужик и баба. Одеты они не по здешнему, видно, что издадека прибыли.

— Здорово, Матвеев. Кто это такие?

— Здравия желаю, Ваше Благородие. Это мои отец и мать.

Мужик снял шапку, баба в пояс поклонилась.

— Одень, земляк, шапку. Откуда Бог принес?

— Из под Самары мы, Ваше Благородие, ходили с женой в Киев на богомоліе, ну, по дороге и зашли сына проводить.

— Пешком?

— А чтож? Говорю — на богомоліе ходили.

— Из Самары в Киев пешком?

— Поездом то, Ваше Благородие, какое-же это богомоліе? Известно пешком.

— Сколько же вы времени шли?

— Да вот рассчитайте, Ваше Благородие, тапе-рича у нас апрель, а из дому мы вышли в августе, на Спаса. Сколько ж оно будет?

— Восемь с лишком месяцев.

— Стало быть так и есть. Да хотим еще от Вас в Почаев пройти, святому Иову поклониться.

Приходкин только руками развел:

— Да как же у вас сил хватило столько верст отмахнуть?

— Господь дал, батюшка, Господь дал, вставила баба.

— Да мы, Ваше Благородие, ведь не все время шли — в попутных монастырях отдыхали; где день, где два. Сподобил Господь повидать много чудес, много и городов расейских повидали.

— А к нам надолго?

— Да вот сына поведем, да и в путь.

— Ну нет, решил Приходкин, так скоро мы вас не выпустим. Вы когда пришли?

— Вчера, Ваше Благородие, под вечер пришли.

— А где ночевали?

— У жиды в сарайчике, недалече отсюда.

Подумал Приходкин, подумал:

— Вот что, Матвеев, ведай своих родителей ко мне на квартиру, скажи моему Степану, что это мои гости. Пусть напоят их чаем, даст помыться. На занятия можешь сегодня не ходить, сиди с ними, расскажи им про наше житье-бытье.

— Слушаю, Ваше Благородие. Покорнейше благодарю.

— Баба опять в пояс поклон:

— Спасибо тебе, господин начальник, спасибо. Сынок то наш вишь каким молодцем стал.

Решение Приходкина принял, по тем временам, необычное. Рядом с его квартирой была пустая квартира уехавшего на Кавказ его приятеля — пехотного поручика. Он приказал принести туда три койки — отцу, матери и сыну, с полным комплектом постельных принадлежностей. Себя и Степана записал на котел, чтобы эти две порции приносили бы родителям Матвеева — пусть увидят, как кормят солдат.

Новый командир батареи, полковник Гофмейстер, общий любимец всей бригады, прозванный “дедушкой”, одобрил это решение и посоветовал организовать ужин с этими гостями.

— Прийду и я, добавил он, послушать рассказы дивных пешеходов. Это, батенька, не то, что из Петербурга в Париж верхом.

Вечером можно было наблюдать странную картину. В пустой квартире, в одной комнате стояли три солдатских кровати, а в другой накрытый скатертью стол, за которым сидели, на парадном месте, “Дедушка-командир”, а по бокам его — две батарейных дамы и дальше — офицеры батареи. Против командира — отец и мать Матвеева, а между ними их сын, молодой солдат батареи.

Ужин был особенный, сборный: кроме трех солдатских порций, дамы принесли от себя “добавку” — блюдо котлет, еще что-то жареное, салат и съдобные булки к чаю.

Растроганные родители долго не могли прийти в

себя от такого приема. Бабка почти все время плакала, причитая: “родненькие вы наши благодетели... спаси вас Царица Небесная... век буду за вас Бога молить...” Почтенный отец, придя в себя, рассказал нам про свое путешествие. Это была целая чудесная повесть о путешествующих по Святой Руси верующих русских людях.

Неважно чувствовал себя в присутствии командира и офицеров только их сын — солдат Матвеев. Сидел вытянувшись, с капельками пота на лбу, как на занятиях “словесностью” в казарме.

Рассказывал отец Матвеева простонародным языком и так интересно, что хоть записывай. Где они только не побывали!.. Без карт, без компаса дорогу в Киев нашли. — “Расспрашивали, батюшка-командир, у прохожих людей, где тут у них ближайший монастырь. Ну, а там — известное дело — народ образованный, расскажут, как дальше идти. Мы молебен напутственный отслужим, поблагодарим и идем. Так и шли от монастыря до монастыря, пока до Киева не дошли. Народ не даром говорит: язык до Киева доведет; он и довел. Ну там мы маленько отдохнули и решили сынка навестить. Тут ведь до него рукой подать. Дорога прямая, не собьешься”.

— Хорошее дело — рукой подать, заметил командир, 300 верст.

— И, батюшка... и подальше хаживали.

— Сколько же времени вы шли сюда из Киева?

— Из Киева то? 15 ден шли, в пути отдыхали в Тригурьевском монастыре, что подле Житомира, один день, да еще, забыли где, по одному дню, целых три дня отдыхали.

За этими рассказами досидели до полуночи, все слушали старика Матвеева. Когда расходились, командир поцеловал отца и мать своего солдата, а потом в канцелярии говорил: — “Ведь, вот она — СВЯТАЯ РУСЬ. Пешком больше тысячи верст отшагали, чтобы поклониться святым угодникам Божиим и не видят в этом ничего особенного. Соверши такой поход наш интеллигент или, не дай Бог, иностранец, — во всех газетах распечатали бы, в пути фотографии свои продавал бы, собственноручные его подписи нарасхват бы брали, а эти — никому неизвестные богомольцы, так в неизвестность и уйдут. А вы”, обратился он к Приходкину — “в баню бы их отправили бы, а то в пути-то и не мылись нигде по настоящему”.

Предложение помыться и попариться они приняли с восторгом. Повел их Приходкин в “господскую баню” Зафрана, взял для них номер с паром. Их было не хотели туда пускать, но, по настоянию господина офицера, пустили.

На другой день целая компания бригадных офи-

церов и дам отправилась в Почаев поклониться мощам св. Иова. Уговорили и стариков Матвеевых ехать, а не идти. Мощи св. Иова находятся в каменной пещере, вход в нее — небольшая круглая дыра в скале, гладко отшлифованная многочисленными богомольцами, протискивающимися через нее к мощам святителя.

Подойдя к ней, наши посетители увидели картину, совершенно не подходящую к тихой монастырской жизни. Из дыры торчали две толстых женских ноги, среди целого букета кружевных шелковых юбок и розовых панталон. За стеной слышались кряхтение и стоны. Предполагая, что застряла какая-то дама, один из офицеров кинулся на помощь и стал тащить ее за ноги обратно. За стеной раздался отчаянный визг, ноги задрыгали, отбиваясь от непрошенных освободителей. Одна из дам прислушалась и едва разобрала, что застрявшая дама старалась пропихнуться туда, а не назад.

— Ну, что-ж, решил Костя Перевалов, туда, так туда... Берись, ребята, за ноги. Общими усилиями пропихнули ее в пещеру. — А уж назад, пусть сама пропихивается..

Командир разрешил родителям поглядеть на сына во время гимнастики, по которой Матвеев был одним из первых. Когда пошли прыжки через кобылу, да еще с переворачиванием через голову, мать Матвеева не выдержала:

— Батюшки. Убьете вы моего сынка. Никогда он так не сигал. Родименькие мои... вот она какова-то служба... А после гимнастики; когда к ней отпустили сына, она прижала его к груди и долго не отпускала, приговаривая:

— Какой-же ты стал, мой родной, отчаянный, ведь голову можешь сломать!

Прощаясь с командиром и офицерами, они искренно благодарили за сына и за прием, а отец сказал вот что: У нас в селе учитель мутит народ против армии; говорит, что солдат бьют, обращаются с ними, как с собаками. Сбивают людей с толку. Ну, таперичка, я ему нос то утру — расскажу на сходе, что мы тут видели. Сына благословляю на верную службу, а, ежели кто станет его чему-нибудь такому учить и он его не отлупит, то прокляну.

С тем они и уехали. Приходкину командир сказал.

— Понимаешь-ли ты, чиж этакий, какую государственную услугу оказали мы Родине нашим ужиком? Ведь, домой поехал от нас уже не простой, темный мужик, а вполне подготовленный пропагандист и не по книжкам натасканный, а пропешедший НАГЛЯДНОЕ ОБУЧЕНИЕ.

Б. Приходкин

Польские орлы и знамена взятые войсками в кампанию 1812-1813 г.г.

Польский историк Гембаржевский, разбирая вышедшую в 1909 г. работу генерала Геккеля "Трофеи войн 1812-1813-1814 годов", хранящиеся в Казанском Соборе, писал:

"Я думаю, что наши разногласия вытекают из убеждения автора, что все эти знамена были взяты в бою. Это мнение не вполне соответствует истине, во всяком случае, что касается всех польских знамен, которые находятся в Казанском Соборе... В 1814-1815 г.г. во время организации новой польской армии Цесаревичем Константином Павловичем старые польские знамена были сданы в варшавский арсенал и отсюда, по приказанию Великого Князя, были отправлены в Казанский Собор. Важные документы, касающиеся этого дела, находятся в Архивах русского Генерального Штаба..."

Статья г. Гембаржевского была любезно помещена в "Журнале Императорского Русского Военно-Исторического Общества" без комментариев. Среди русских историков не нашлось никого, кто бы мог ответить г. Гембаржевскому, что указывает на то, что трофеи русских войск были покрыты "мраком неизвестности", даже для крупных военных историков.

В других источниках мы нашли другое письмо того-же польского историка:

"В кампаниях 1809, 1812 и 1813 г.г. польская армия доблестно несла свои орлы и, несмотря на ужасные события войны против русских и почти полное уничтожение многих полков, ни одна из этих эмблем военной части не была потеряна в 1812 году на полях сражений. Благодаря самоотверженности полковника Сzymanовского все знамена, пушки и даже зарядные ящики польских полков были спасены."

Итак, поляки не потеряли ни одного орла (знамени) ни в 1812, ни в 1813 годах и те, которые стояли в Казанском Соборе, были туда посланы русским Великим Князем, который воспользовался своим положением Наместника, чтобы украсить Казанский Собор старыми польскими знаменами.

Тезис безусловно "патриотический", но который не выдерживает критики.

Что касается этих знамен, которые будто бы "изъяты" нещепетильным Цесаревичем и превращены в "трофеи" г. Гембаржевский пишет:

"Существует официальная корреспонденция генерала Домбровского от 5-го мая 1814 года, из которой следует, что полковник Косинский, командующий единственным оставшимся польским пехотным полком, получил на хранение 9 орлов с 5-ю полотнищами".

Г. Гембаржевский не приводит списка этих орлов.

Нам удалось однако этот список отыскать, а равно и другой, а именно знамен сданных позже в варшавский арсенал полковником Блисинским.

Достаточно сопоставить списки знамен спасенных поляками и знамен, находившихся в Казанском Соборе, чтобы убедиться в полной несостоятельности версии г. Гембаржевского.

Знамена находившиеся в Польше в 1814 г.

- 1-й пехотный. Орел и знамя
- 4-й пехотный. 2 орла и знамени.
- 6-й пехотный. Орел и знамя.
- 8-й пехотный. Орел.
- 12-й пехотный. Орел.
- 15-й пехотный. Орел.
- 16-й пехотный. Орел.
- 1-й кавал. 2 орла и штандарт.
- 2-й кавал. Орел и штандарт.
- 11-й кавал. Орел и штандарт.

Знамена в Казанском Соборе

- 1-й пехотный. Орел.
- 5-й пехотный. Орел.
- 7-й пехотный. Орел.
- 10-й пехотный. Орел.
- 11-й пехотный. Орел.
- 13-й пехотный. 2 орла и знамя.
- 14-й пехотный. Орел.
- 1-й Кон-Егер. Орел и штандарт.
- 15-й уланск. Орел и Штандарт.
- Орел неизв. пех. полка.

Беглого взгляда достаточно, чтобы убедиться в разности этих списков.

В своей статье 1909 года г. Гембаржевский утверждал, что польские полки имели только один орел, находившийся при 1-м батальоне и что вторые батальоны имели только знамя без орла и пользуется примером 1-го пехотного полка, чтобы уличить русских. Но почему же тогда 4-й и 13-й пехотные и 1-й кавалерийский полки имели по два орла?

Не трудно допустить, что один из орлов 1-го пехотного полка был спасен поляками, а другой взят русскими. Что касается 1-го кавалерийского и 1-го конно-егерского полков, то идет ли речь об одном и том же полку? Но, даже если это тот-же полк, то можно ли утверждать, что у него было только два штандарта?

Мы не знаем, заменили-ли поляки потерянные орлы новыми, но известно, что некоторые польские полки имели больше двух орлов, как например 4-й пехотный, два орла которого находятся в 1814 году в Варшаве, а 3-й в развалинах Шпандау найден в 1832 году пруссаками.

Итак, если даже Цесаревич Константин и отправил кой-какие знамена в Россию, они не были помещены в Казанский Собор.

В Московском Арсенале было несколько польских

знамен, три из коих были переданы в 1912 году по Высочайшему повелению в Музей 1812 года и некоторые другие возвращены советским правительством Польше, после неудачной войны 1920 года.

В 1812 году польские войска были разгромлены. Сохранение ими всех их орлов было-бы безусловно чудом. Надо ли добавитъ, что все эти потери отнюдь не набрасывают тень на польские войска, доблесть которых общеизвестна и не нуждается в защитниках.

Приведем теперь все, что мы собрали о польских орлах, находившихся в Казанском Соборе. Конечно, в числе их есть несколько "неизвестных", но большая часть их была взята или в бою, или во взятых крепостях.

Вот все известные нам случаи взятия польских знамен в кампаниях 1812-1813 годов:

13/25 октября 1812 г.

Малоярославец. Казаки Платова взяли одно польское знамя. (Свид. ген. Ермолова).

15 ноября 1812 г.

Кайданы. Два польских знамени взяты у корпуса ген. Коссецкого авангардом гр. Ламберта. (Стародуб. др. полк).

9/21 ноября 1812 г.

Борисов. На штурме города авангардом гр. Ламберта у корпуса ген. Домбровского взято два знамени (одно из них Арзамаским др. полком).

5/17 декабря 1812 г.

Кутузов получил от Платова одно отбитое польское знамя.

24/5 апреля 1813 г.

При капитуляции Ченстохова взято два польских знамени.

17/29 апреля 1813 г.

При капитуляции Данцига взято три польских знамени.

23/4 сентября 1813 г.

Черниц. Одно польское знамя взято отрядом кн. Кудашева.

23/5 декабря 1813 г.

Три польских знамени взяты при капитуляции Замостья.

А всего 15 орлов, из коих 14 удостоверенных официальными документами. В 1912 году в Казанском Соборе находилось 11 орлов и 3 были переданы в Музей 1812 года из Московского Арсенала т. е. опять 14 орлов.

Вот список этих знамен:

В Казанском Соборе:

1) 1-го пехот. полка. Орел с номером полка, взят в Борисове.

2) 5-го пехот. полка. Орел без номера, взят в Данциге.

3) 7-го пехот. полка. Орел без номера, — неизвестно.

4) 10-го пехот. полка. Орел с номером, в Данциге.

5) 11-го пехот. полка. Орел с номером. взят в Данциге.

6) 13-го пехот. полка 1-го бат. Орел с номером, взят в Замостье.

7) 13-го пехот. полка 2-го бат. Орел с номером, взят в Замостье.

8) Неизвестного полка. Орел без номера, взят в Замостье.

9) 14-го пехот. полка. Орел с номером, взят в Кайданах.

10) 1-го Конно-Егерск. Орел и штандарт с номером, взят в Борисове.

11) 15-го уланск. полка. Штандарт полка и пех. орел, — Неизвестно.

В Московском Арсенале:

Два неизвестных польских знамени.

1-го Конно-егерского полка. Орел и штандарт.

Итак в России как будто бы находилось 14 польских орлов отбитых в 1812-1813 г., взятие которых подтверждается документами и одной аттестацией о сдаче Платовым Кутузову 5/17 декабря 1812 года одного польского знамени. Можно предполагать, что речь идет о знамени взятом под Малоярославцем, которое Платов временно удержал при себе. Действительно, взятие знамени под Малоярославцем не обозначено в современных документах, но свидетельство Ермолова весьма определенно (13 пушек и 1 знамя отбиты от поляков казаками Платова). Заметим, что в официальных бумагах мы нашли данные только об одном польском знамени отбитом казаками, что подтверждает наше предположение.

Что касается 14 польских орлов, попавших в русские руки, то принадлежность их определенным полкам была установлена в 8 случаях. 5 не были опознаны или же опознаны "приблизительно", так как поляки имели присутствие духа отбить номер полка. Что касается 15-го уланского полка, то русские, по небрежности, соединили штандарт (полотнище) этого полка и орел неизвестного пехотного полка.

Автор настоящего очерка будет признателен всем читателям, которые могли бы ему сообщить другие данные о знаменах польской армии, взятых русскими войсками в 1812-1813 годах.

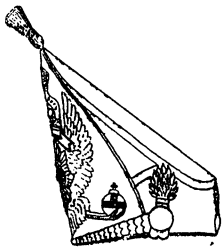
С. Андоленко

Предлагаемая статья извлечена из подготовительного труда о знаменах, отбитых и потерянных русскими и французскими войсками в кампаниях 1799, 1805, 1806-1807 и 1812-1814 годов. Следует отметить, что этот вопрос никогда и нигде не был еще серьезно изследован. Не надо быть знатоком, чтобы представить себе всю трудность задачи... 150 лет после описываемых событий, при разбросанности, неполноте и противоречиях источников и при отсутствии доступа к русским архивам.

С. А.

Норвежская треска и русская головизна

КАРТИНКИ МИРНОЙ ЖИЗНИ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПАВЛОВСКОГО ПОЛКА

В декабре 1905 или январе 1906 года, точно не помню, было увеличено приварочное довольствие войск. Несмотря на то, что вообще в полках кормили прекрасно, приварок был увеличен на несколько копеек.

Заведывавшие хозяйством ломали себе голову, чем и как увеличить и улучшить пищу. В то время хозяйством нашего полка заведывал полковник Александр Иванович Лебедев, впоследствии командир Алексеевского (Алексопольского) полка, стоявшего в Скерневицах. В то время в полку был подпоручик Николай Константинович Вегге, швед, окончивший Финляндский кадетский корпус. Он прекрасно говорил по-шведски, фински и очень слабо по-русски.

Как то в разговоре, в полковом собрании, он рассказал, что в корпусе их кормили вкусным супом из сушеной трески, которую выписывали из Норвегии. Александр Иванович заинтересовался и попросил Вегге узнать, как достать треску и что она может стоить и как ее готовить.

Как и где узнавал Вегге про треску не известно, но дня через 3-4 доложил Александру Ивановичу, что треску достать можно через торгового агента норвежского консульства и что цена ее очень незначительна. Через того же Вегге условились о времени доставки трески, количестве и плате, кроме того, тот же торговый агент обещал доставить и повара, который научил бы наших кашеваров варить эту треску.

И вот в один из дней середины февраля, дежурный вестовой при собрании доложил дежурному по полку офицеру, что его спрашивает какой-то "вольный". Этот вольный оказался чином Норвежского консульства, довольно хорошо говоривший по-русски, и доложивший, что на следующий день с утра в казармы полка будет доставлена партия трески и одновременно с ней придет повар с помощником. Действительно, на следующее утро появились сани, нагруженные мешками с сухой треской, а также 2-3 норвежца повара. Сгрузили мешки, стащили их на батальонные кухни. Пришел дежурный офицер и дежурный фельдфебель, собрал фельдфебелей довольствующих рот и кашеваров.

Началось наглядное обучение варки. Заложили, согласно раскладки, рыбу в котлы, залили водой, дали отмокнуть, потом вытащили и опять памочили. В конце концов начали варить.

Приехал норвежский офицер, состоящий при военном агенте и прилично говоривший по-русски. Его, без лишних разговоров, пригласили в собрание и к тому времени, когда рыба сварилась и обед был готов, и он тоже был готов, т. е., иначе говоря, не вызал

уже лыка. К 12-ти часам пришел на кухню I-го батальона командир полка Свиты Его Величества генерал-майор Д. Гр. Щербачев, впоследствии начальник Академии генерального штаба, а с 16-го года командующий Румынским фронтом.

Собрались командиры батальонов и довольствующих рот. Открыли котел и дали пробу. Попробовали и отправили несколько мисок в собрание для пробы офицерам.

Варка оказалась так себе — не на наш вкус, не плохо, но и не хорошо — так пресновато.

После обеда опросили солдат: "нравилась ли им варка?" — ответили, "так точно, ничего". Только несколько архангельцев и вологодцев сказали, что чухонцы не так варят, как варят у них, и весь вкус вываривают.

Прошло несколько дней. В Охотном ряду, что около Гостинного двора, в лавке рыбника Барыкова встретились два заведывающих хозяйством: наш Александр Иванович и его приятель из полка I-й бригады нашей II-й Гвардейской дивизии. Разговорились о приварке, о треске, о сделанном опыте, а к их разговору прислушивался и сам хозяин лавки.

— Извините, Ваше Высокоблагородие, что, слышавши ваш разговор, смею сделать предложение.

— А ну, в чем дело?

— Да неужели в России рыбы мало, что к норвежцам обратились? Да я сам могу представить какой угодно рыбы, сушеной-ли, соленой. Вот соленая головизна, осетровые и белужьи головы, на что лучше?

— А что посчитаете за рыбу?

— А сколько, дозволите спросить, платили за треску?

— Да вот, столько то за пуд.

— А дозвольте спросить, сколько у вас на довольствии? Всякий заведывающий хозяйством, хоть ночью его разбуди, сколько у него на котле ответит точно.

Разговорились и решили, что через 3-4 дня Барыков доставит рыбу, согласно раскладке.

Действительно, дня через три, как было уговорено, по снегу скрипя, въехали в казарменный двор сани с рыбой.

"Молодец" приказчик Барыкова, в тулупе, белом фартухе и картузе спросил мимо идущего солдата: "Стой, брат, скажи, где найти дежурного офицера?" Тот провел его в офицерское собрание и дежурный вестовой доложил дежурному офицеру.

— В чем дело?

— Так что дозвольте доложить, Ваше Высокоблагородие, рыбу от купца Барыкова привез, прикажете ее принять?

— Да ты, видать, служил?

— Так точно, Ваше Высокоблагородие, унтер-

офицер Л.-Гв. Стрелкового Императорской Фамилии батальона, а теперь приказчиком у купца Барыкова, он тоже в этом же батальоне служил.

Рыбу приняли и перерезы с ней перетащили при помощи вызванных солдат на батальонные кухни.

Часам к 6-ти вечера прикатил на своем рысак и сам Барыков. Опять собралось все начальство.

Барыков, обращаясь к стоящим здесь кашеварам, сказал, что рыбу надо варить до развара, но соли не прибавлять, так как рыба достаточно солонa, а надо по раскладке прибавить перца и лаврового листа. "Фельдфебеля за этим присмотрят", прибавил он, "я и сам был фельдфебелем".

Все прошло как по писанному.

Утром опять пришел его "молодец", который доставил рыбу.

К 11ти с половиной прикатил опять Барыков, опять собрался весь полковой синклит. Открыли котлы и раздали пробу. Вот это, действительно, была

первоклассная селянка, ароматная, густая, до чрезвычайности вкусная, а к ней гречневая каша!

Напробовались все вельсшь, послали миски в офицерское собрание.

Пришли роты, раздали варку. Пока роты обедали, пошли в собрание, пригласив и Барыкова.

В собрании только и речи было что о селянке. Командир полка, основываясь на общем мнении, решил, что лучшего и не надо, и, не откладывая дела в долгий ящик, приказал заведывавшему хозяйством заключить контракт с Барыковым.

На вечерних занятиях спросили солдат, понравилась ли им варка. Единодушный ответ во всех ротах показал, что головизна завоевала положение. "Ни вжисть чухонцам так рыбы не сварить", — заявили архангельцы.

И с тех пор каждый постный день была у нас в полку селянка.

А. Редькин

П О Л Ь С К О Й

НА СЛУЧАЙ БАЛА, ДАВАЕМОГО ДВОРЯНСТВОМ СМОЛЕНСКИМ 17 ЯНВАРЯ 1816 ГОДА,
ПО ПРИБЫТИИ 2-ОЙ ГРЕНАДЕРСКОЙ ДИВИЗИИ В Г. СМОЛЕНСК, ИЗ ЗАГРАНИЧНОГО ПОХОДА

В день отраднй торжествуйте,
Торжествуйте мирный час —
Пойте, вторьте, ликовствуйте,
В общий съединяя глас:
Клики, плески и бряцанья
И сердец, и душ восторг...
Все к веселью призывает...
Граций, Нимф — собор красот —
Град — героев угощает,
Воин — гражданам оплот...
Все сословья совокупно
Днесь ликуйте в мирный час...
Веселитесь, утешайтесь,
Средь покоя, тишины —
Достояньем украшайтесь

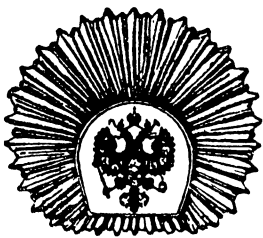
Им сполна одарены:
Нежный пол — краса семейств
И отчества сыны...
В день отрады торжествуйте,
Торжествуйте мирный час —
Пойте, вторьте, ликовствуйте
В общий съединяя глас
Клики, песни и бряцанья,
И сердец, и душ восторг...

Источник: "Военные письма и замечания, относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим, писанные генерал-майором Писаревым." Часть Вторая. Издано Павлом Субботиным и Семеном Селивановым. Москва 1817 год.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Контр-адмирал ТИМИРЕВ — Воспоминания морского офицера — 15 н. фр.
ФИНЛЯНДСКИЕ ДРАГУНЫ (воспоминания) — 20 н. фр.
Юрий СЛЕЗКИН — Две семьи — 5 н. фр.
К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой войне — 25 н. фр.
БУЛГАКОВ — Русский и германский военный мир о творчестве, К. С. Попова — 4 н. фр.
Ген.-майор СПИРИДОВИЧ — Великая война и февральская революция, том I, II и III — 90 н. фр.
Б. М. КУЗНЕЦОВ — 1918 г. в Дагестане — 8 н. фр. 75 с.
Б. М. КУЗНЕЦОВ — В угоду Сталину, том II — 11 н. фр. 25 с.
Г. В. МЕСНЯЕВ — За гранью прошлых дней — 12 н. фр.
Кн. П. П. ИШЕЕВ — Очерки прошлого (1889-1959) — 7 н. фр. 50 сант.
Генерал А. А. фон-ЛАМПЕ — «Пути верных» — 16,00 н. фр.
Г. Б. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ — Цусимский бой — 10 н. фр.

Знамена военно-учебных заведений

В 1733 году, Императрица Анна Иоанновна впервые пожаловала знамена Сухопутному Кадетскому Корпусу (ныне первый Кадетский), 3 знамени фузильерным ротам, 1 белое и 2 желтых, а в конную роту серебряный глазетный штандарт.

По углам полотнищ знамен были красные фламы с вензелями Императрицы, а посередине двуглавый орел с Корпусным гербом на груди и с надписью "От обоих истинное шляхетство".

В 1733 году, Императрица Анна Иоанновна впервые пожаловала знамена Сухопутному Кадетскому Корпусу (ныне первый Кадетский), 3 знамени фузильерным ротам, 1 белое и 2 желтых, а в конную роту серебряный глазетный штандарт. По углам полотнищ знамен были красные фламы с вензелями Императрицы, а посередине двуглавый орел с Корпусным гербом на груди и с надписью "От обоих истинное шляхетство".

В царствование Елисаветы Петровны на этих знаменах и штандарте вензеля Императрицы Анны Иоанновны (А. I.) были заменены вензелями Императрицы Елисаветы Петровны.

В царствование Императрицы Екатерины II-й были пожалованы одновременно еще 5 знамен, а на прежних знаменах вензеля Императрицы Елисаветы Петровны были заменены вензелями Екатерины II-й.

В царствование Императора Павла, по Высочайшему повелению, все эти знамена и штандарт были сданы в Арсенал Мраморного дворца. Взамен их Павел I-й пожаловал 2-го ноября 1798 года Первому Кадетскому Корпусу четыре знамени. На полотнищах этих знамен, на розовом поле был желтый крест, в середине белый круг в зеленом венке. На белом круге двуглавый орел, во всех углах гербы Корпуса. 3 февраля 1806 года Высочайше повелено в Первом Кадетском Корпусе иметь 2 знамени, а младшие знамена передать во 2-й Кадетский Корпус.

По воследовании Высочайшего повеления в каждом батальоне иметь по 1 знамени, в январе 1816 года одно из знамен Первого Кадетского Корпуса было отправлено в Арсенал Мраморного Дворца и в Первом Корпусе осталось только 1 знамя.

В 1832 году, по ходатайству Великого Князя Михаила Павловича, Высочайше было повелено хранившиеся в Арсенале старые знамена Первого и 2-го Кадетских Корпусов возвратить в эти заведения и хранить их, как святыню, в церквях Корпусов.

17-го февраля 1832 года (100-летний юбилей Первого Кадетского Корпуса) ему было пожаловано новое знамя с золотым орлом Гвардейского образца на древке. Полотнище этого знамени имеет красный крест

на белом поле, в середине оранжевый круг в золотом венке, вверху Императорская корона, в середине круга двуглавый орел с распростертыми крыльями, на груди орла щит с изображением Св. Георгия Победоносца. Внизу орла — Андреевская лента с надписью: "17 февраля 1732 — 17 февраля 1832 г." В белых углах полотнища: в двух вензель Императора Николая I-го, а в других — гербы Корпуса. Юбилейная лента Андреевская к этому знамени была пожалована 25 июня 1838 года.

23-го июня 1785 года Императрица Екатерина II-я пожаловала Артиллерийскому и Инженерному Кадетскому Корпусу (ныне 2-й Кадетский) 1 белое и 2 голубых знамени. Полотнища этих знамен были из гродетура, обшитого с трех сторон золотой бахромой, а вдоль древка золотой тесьмой.

В 1796 году корпусу были пожалованы еще 4 знамени (1 белое и 3 голубых), точно таких же, как и прежние.

В 1806 году все эти знамена были изъяты из 2-го Корпуса, который получил из Первого Корпуса 2 знамени (3 февраля 1806 г.).

В январе 1816 года одно из этих знамен было сдано в Арсенал Мраморного Дворца. В 1832 году Корпусу было возвращено для хранения в церкви 1 белое знамя, пожалованное Екатериной II-й.

В царствование Императора Александра I-го были пожалованы знамена: Дворянскому полку (преимущественно 2 из них перешли в Константиновское Военное Училище и потом Константиновское Артиллерийское) а с 1907 года этому Училищу были переданы из Стрельнинской церкви и другие 2 знамени.

В царствование Императора Николая I-го были пожалованы знамена: Московскому Кадетскому Корпусу (ныне 1-й Московский Императрицы Екатерины II-й — 21 июля 1827 года, Новгородскому Корпусу (ныне Нижегородский гр. Аракчеева) и Полоцкому, обоем 5 марта 1838 года, Императорскому Сиротскому дому (ныне Павловское Военное Училище).

10-го октября 1832 года Государь повелел цвета древков иметь: Первому Кадетскому Корпусу и Дворянскому полку — желтый, 2-му Корпусу — белый, Павловскому Кадетскому Корпусу — черный, Московскому — коричневый.

3 июля 1834 года последовали изменения в цветах знаменных древков в существующих и имевших открыться Корпусах.

19-го февраля 1844 года Император Николай I-й повелел, чтобы Губернские Кадетские Корпуса получали знамена тогда, когда у них будет окончательно сформирована 3-я рота Корпуса.

2-го апреля 1844 года повелено иметь на знаменах всех Кадетских Корпусов большой красный крест, а углы знамен иметь:

В Первом Кадетском — исключительно белые,

в Павловском — светло-синие с желтым пополам, в Дворянском полку — темно-синие с желтым пополам, в 1-м Московском — желтые с черным пополам, во 2-м Московском — белые с черным пополам, в Орловском — светло-синие с черным пополам, в Воронежском — светло-зеленые с черным пополам, в Казанском — темно-синие с черным пополам, в Полоцком — желтые с темно-зеленым пополам, в Полтавском — белые с темно-зеленым пополам, в Александровском-Брестском — светло-синие с темно-зеленым пополам, в Тульчинском — светло-зеленые с темно-зеленым пополам.

Вследствие такого повеления, знамена Военно-Учебных Заведений оказались не отвечающими новой раскраске: в 1-м Московском знамя имело углы белые с желтым пополам, в Новгородском — белые с темно-зеленым пополам, в Павловском — светло-синие с желтым пополам, в Павловском Корпусе хранилось знамя Военно-Сиротского дома с желтыми углами, а во 2-м Кадетском — знамя Павла I-го с розовыми углами.

Поэтому 9 мая 1844 года Государь повелел знамя 1-го Московского Корпуса передать во 2-й Корпус, Новгородского — в Полтавский, Полоцкого — в Павловский, а Корпусам 1-му Московскому, Новгородскому и Полоцкому — выдать новые знамена.

Повеление это было по докладу Великого Князя Михаила Павловича изменено и 7-го июня 1844 года повелено: знамена Кадетских Корпусов, не подходящие под новые образцы, оставить в Корпусах для хранения в церквях, как святыню и как всемиротейший дар Корпусам однажды уже пожалованный.

Взамен же их и для Петровского-Полтавского Корпуса дать знамена новые.

Новые знамена на замену старых были пожалованы: 2-му Кадетскому, Павловскому, 1-му Московскому, Новгородскому и Полоцкому Кадетским Корпусам. Старые же знамена были сданы для хранения в церквях этих заведений.

Полтавскому Корпусу новое знамя пожаловано 27-го июня 1844 г. Затем Императором Николаем I-м были пожалованы знамена: Александровскому-Брестскому Кадетскому Корпусу 14-го ноября 1845 года, Орловскому-Бахтина 18-го апреля 1847 года, Михайловскому-Воронежскому — 29 октября 1848 года, 2-му Московскому 9-го сентября 1851 года и Морскому Кадетскому Корпусу 15-го октября 1852 года — юбилейное (100 лет).

В царствование Императора Александра II-го были пожалованы знамена: Александровскому Сиротскому Кадетскому Корпусу 24-го ноября 1855 года, Владимирскому Киевскому 13-го апреля 1858 года и 2-му Кадетскому 12-го октября 1862 года с Андреевской лентой (100 лет преобразования в Кадетский Артиллерийский и Инженерный Кадетский).

Прибивка и освящение знамен, жалуемых Кадетским Корпусам, происходили согласно общему наставлению для обучения и занятий сапер и пионеров, Высочайше утвержденному в 1818 году. При освя-

щении знамени приводились к присяге все кадеты Корпуса.

Освященные знамена хранились в квартире Директоров, а старые, прежде жалованные, в церквях этих заведений.

В 1863 году началось преобразование Кадетских Корпусов в Военные гимназии, почему было приказано знамена 2-го Кадетского, I-го Московского, 2-го Московского, Нижегородского, Воронежского, Полтавского, Полоцкого, Орловского и Киевского хранить в храме соответственных Военных гимназий.

Знамя упраздненного Александровского-Брестского Кадетского Корпуса передать в Александровское Военное Училище, знамя Александровского Сиротского Корпуса, в зданиях которого помещилось это Училище, — в церковь Училища. Знамя упраздненного Павловского Кадетского Корпуса передать в Павловское Военное Училище, а знамя Императорского Сиротского Дома хранить в церкви этого Училища.

10-го ноября 1865 года знамя Первого Кадетского Корпуса было передано в Павловское Военное Училище для выноса в строй. Знамена Императорского Сиротского Дома, Павловского Кадетского Корпуса и старые знамена Первого Кадетского Корпуса переданы в то же Училище 17 мая 1864 года и приказано хранить их в церкви Павловского Военного Училища.

Приказом по Военному Ведомству 24-го ноября 1887 года возстановленный Первый Кадетский Корпус принял обратно для хранения в соответственной церкви от Павловского Военного Училища все свои знамена. Павловскому Военному Училищу повелено было выносить в строй знамя Павловского Кадетского Корпуса, а знамя Императорского Военно-Сиротского Дома хранить по прежнему в своей церкви.

Высочайшим приказом 13-го февраля 1901 года повелено было 10 старейшим Корпусам: 1-му и 2-му Московским, Нижегородскому, Полоцкому, Орловскому, Воронежскому, Полтавскому и Киевскому и Первому и 2-му Кадетским (возстановленным в Царствование Императора Александра III из Военных Гимназий) выносить в строй в особенно торжественных случаях, а равно, когда в построении участвуют все роты Корпуса, пожалованные в прежнее время знамена, как "наивысшую воинскую святыню и лучшее украшение строя кадетского".

Порядок выноса и относа знамен был установлен согласно требованиям Устава строевой пехотной службы. Знамена выносятся в строй лишь в дни Храмового и Корпусного праздников, в день празднования Военного Ордена, при молебствиях для прощающихся с Корпусом кадет и в других особенно торжественных случаях.

12-го ноября 1903 года Высочайше пожалованы знамена остальным 11-ти Кадетским Корпусам: 3-му Московскому, Тифлискому, 2-му Оренбургскому, Николаевскому, Псковскому, Донскому, Ярославскому, Не-

плюевскому, Сибирскому, Императора Александра II, Симбирскому.

В последующие годы знамена пожалованы вновь учрежденным Корпусам: 7-го октября 1905 года Хабаровскому, Суворовскому и Одесскому. 6-го октября 1908 года — Сумскому. 23-го сентября 1907 года — Ташкентскому. 1-го июля 1908 года — Владикавказскому.

Из Кадетских Корпусов в настоящее время (1914 г.) не имеют знамен только Вольский и Иркутский Корпуса.

В 1909 году 26-го апреля и 9-го июня было повелено знамя Александровского-Брестского Кадетского Корпуса передать из Александровского Военного Училища для хранения в храме Кадетского Корпуса Императора Александра II, как преемственно Брестскому Кадетскому Корпусу, Александровскому же Училищу выносить в строй знамя Александровского Сиротского Кадетского Корпуса.

16-го января 1912 года Высочайше пожаловано новое знамя с юбилейными Андреевскими лентами 2-му Кадетскому Петра Великого Корпусу по случаю 200 летнего его юбилея.

В 1913 году пожаловано новое знамя 1-му Сибирскому Императора Александра I Кадетскому Корпусу с Андреевскими юбилейными лентами, 100 летний юбилей.

Полотнища знамен жалюемых ныне Военно-Учебным заведениям белого цвета с каймой по цвету прибора соответствующих заведений. Кайма украшена золотыми звездочками. На лицевой стороне изображение Нерукотворного Образа с надписью сверху: "С нами Бог". На обратной стороне полотнища в середине большой золоченый вензель Государя с двумя звездочками по сторонам, в углах Государственные гербы. Знаменное древко украшено золоченым гербом.

Знамя пожалованное Морскому Корпусу отличается от описанного образца: полотнище его белое с синим Андреевским Крестом, с государственным гербом на желтом поле в середине и двумя вензелями Государя и гербом Морского Корпуса.

.....

В летопись наших Военно-Учебных заведений занесен случай спасения знамени во время пожара, бывшего в здании 2-го Московского Кадетского Корпуса 5-го декабря 1909 года (пожар церкви накануне юбилея). Церковь была переполнена густым дымом на-

столько, что проникнуть туда не было возможности. Воспитатель этого Корпуса подполковник Зыбин (Леонид Александрович), узнав от кадета 5-го класса Колдунова, что находящееся в церкви знамя не спасено, решился с явной опасностью для жизни, согнувшись, проползти в церковь к тому месту, где находилось знамя (левый клирос) и вынести его, что и удалось привести в исполнение с большим риском для жизни.

Государь Император 20-го апреля 1900 года пожаловал подполковнику Зыбину орден Св. Владимира 4-й степени, а кадету Колдунову за участие его в спасении знамени серебряную медаль с надписью "За усердие" для ношения на груди на голубой ленте.

В Летопись Кадетских Корпусов надо занести еще случай спасения знамени Полоцкого и Симбирского Кадетских Корпусов сестрой милосердия Евгенией Викторовой Овтрахт, женой воспитателя. Знамена эти хранятся в Югославии в Русском Кадетском Великого Князя Константина Константиновича Корпусе (Белая Церковь).

Привожу и приказ об этом:

Приказ Кавказской Армии № 66, г. Парицын.
24го Июня 1919 года:

"В тяжелые годы испытаний, при двухгодичном гнете большевизма, в Парицыне, с безусловной опасностью для жизни, женой подполковника Евгенией Викторовой Овтрахт были спасены и скрыты от надругания знамена Полоцкого и Симбирского Кадетских Корпусов, которые были переданы Кавказской Армии при вступлении в Парицын.

Отмечая это высокое проявление патриотического чувства, я, по предоставленной мне власти, награждаю Е. В. Овтрахт Георгиевской медалью 4-ой степени за № 484474 и от имени всей Кавказской Армии выражаю ей глубокую признательность за выказанное самоотвержение.

Подлинный подписал Генерал-Лейтенант барон Врангель. Верно: Начальник Наградного Отделения полковник Оболенский (по Управлению Дежурного Генерала. Часть Наградная)."

Кроме этих двух знамен за рубежом есть еще знамя Сумского Кадетского Корпуса (хранится вместе с вышеупомянутыми знаменами) и кусочки знамен Киевского, 1-го Московского, Нижегородского, Полтавского и Воронежского.

Полковник Приходкин

Старые полки конницы

Самым старым полком русской конницы является Кизляро-Гребенский полк Терского Казачьего Войска, имеющий старшинство с 1577 года (по некоторым сведениям — с 1576 года), но первая дата верней, так как в этом случае старшинство приурочено к боевому эпизоду. В 1577 году Гребенские казаки участвовали в разгроме 25.000-ной армии Крымских татар, на переправе через Сунжу и Брагун.

Обнаружив противника, Гребенцы первые стремительно бросились в атаку, а, преследуя разбитого противника, они же закончили истребление Крымцев. Это славное дело послужило исходным для установления старшинства Терскому войску.

До I-ой Мировой войны Кизляро-Гребенский полк именовался генерала Ермолова, во время этой войны Государь Император дозволил принять шефство этого доблестного полка. Особенностью полка было то, что полк имел штандарт, а не знамя, как другие казачьи полки.

Быть может какое либо старое казачье войско может предъявить старшинство одного из полков более ранее, чем 1577 год, но источников в моем распоряжении не имеется.

Полки Харьковский уланский и гусарские Сумский, Изюмский и Ахтырский имеют дату старшинства 1651 года и интересно проследить возникновение этих полков.

На рубеже Московского государства, спустя более чем три столетия после нашествия татар, пограничными городами были Мценск, Алатырь, Новгород-Северский и некоторые другие. К югу от этих городов простирались необъятные степи, носившие название “Дикого поля”.

Лишь в Крыму татарская орда сохранила свою самостоятельность, благодаря “Дикому полю”.

Московское государство для защиты от татарских набегов еще в XV веке организовало сторожевую службу для собирания вестей о татарах и ногайцах, дабы предупреждать порубежных воевод о приближении врага.

Набег хана Кази-Гирея на Москву побудил русских вынести укрепленную линию далее на юг, тут были построены Ливны, Кромы, Воронеж, Оскол, Валуйки, Белгород и возобновлен древний Курск.

Сторожевая служба уже продвинулась к рекам и урочищам Придонского края, на территории которого позже возник Харьковский полк.

После постройки “Белгородской Черты” Царь Борис Годунов сделал попытку шагнуть еще дальше на юг, в 1599 году заложен был город Царево-Борисов близ впадения в Северный Донец реки Оскола, в 160 верстах от г. Белгород, но в Смутное время этот городок разграбили татары и он запустел.

Россия, потрясенная неурядицами, не имела возможности отдавать много внимания своим южным поселениям, но к счастью явилось обстоятельство, которым Москва умело воспользовалась.

Гонение на православную веру, экономический и правовой гнет побудили Заднепровских казаков — малороссов, бывших под властью поляков, после нескольких неудачных возстаний, первоначально отдельными семьями, искать спасения, перехода на левую сторону Днепра, в пределы Московского государства. В 1651 году (по старому летоисчислению — в 7159 году), после ужасного поражения казаков Богдана Хмельницкого под Берестечком, казаки целыми толпами с семействами хлынули в привольные степи единой и одноплеменной России.

Исход продолжался долгое время, одна из волн докатилась до реки Тихой Сосны и тут был основан город Острогжск, где и было положено начало Острогжскому Черкасскому полку, впоследствии расформированному. Черкасские полки позже получили название “слободских”. Затем стали одновременно возникать города Харьков, Ахтырка и Сумы. Никому из исследователей не удалось точно установить годы их основания. Известно только, что в 1654 году Харьковские черкасы уже строили дороги. Приблизительно спустя четверть века население Харькова насчитывало свыше 7.000 казаков. К 1685 году территория Харьковского полка раскинулась широко, на долю же Ахтырского и Сумского полков пришлось пространство будущих уездов Ахтырского, Богодуховского, Сумского и Лебединского.

Престарелый Харьковский полковник Донец стал хлопотать для своего сына отдельное полковничество и в 1685 году последовал Царский указ о разделении Харьковского полка на две части. Сформирован был новый слободской полк Изюмский и сыну Донца повелено жить в г. Изюме. Только в 1691 году, после смерти старого Донца, Изюмский полк стал жить самостоятельно.

Старшинство всех 4-х полков отнесено к 1651 году, Харьковский с 5 сентября, Ахтырский, Сумский и Изюмский с 27 июня. Установившие старшинство упустили из виду, что по тогдашнему летоисчислению, существовавшему до 1700 года нового летоисчисления, год начинался с 1 сентября и июнь месяц считался 10-ым месяцем в году. И, если проследить время создания полков, то никак нельзя считать к примеру Изюмцев, старше своего родоначальника.

Сыграв назначенную ему историческую роль, слободское казачество прекратило свое существование и в 1765 году они были погусарены.

Сообщил А. Левицкий

К статье генерала фон-Лампе „Знаменательный рапорт“

(№ 42 «ВОЕННОЙ БЫЛИ»)

Как офицер 32-ой артиллерийской бригады я был приятно удивлен, узнав из статьи ген. фон-Лампе, что текст „знаменательного рапорта“ нашего начальника дивизии сохранился. Мне хочется дополнить его именами подписавших его командиров дивизионов бригады, пропущенными в книге по неразборчивости их подписей и сказать пару слов по поводу содержания статьи. Восстановить их имена не могу, однако, с полной уверенностью: во-первых — прошло 44 года, во-вторых — дело касается временно командующих, а в третьих — главное — не вижу перед собой этих неразборчивых подписей, которые для меня были бы очень даже разборчивыми. Тем не менее, полагаюсь на свою память и фотографии в альбомах I-ой мировой войны, я рискую назвать их с почти полным ручательством за точность.

Первым подписавшим рапорт, как „Вр. командующий II дивизионом“ был, конечно, командующий 5-ой батареей капитан Курзеньев, в то время старший капитан бригады. Именно он рассказывал нам потом о своих впечатлениях на собрании у генерала Попова. Вторым подписавшим — „Вр. командующий I дивизионом“ был по всей вероятности командир 2-ой батареи подполковник Кендзерский, старший из двух подполковников I дивизиона, командир которого, полковник Бенескул, подписался ниже, как „Вр. командующий бригадой“. Однако, если паче чаяния Кендзерский был в это время в отпуску — вещь возможная — то рапорт подписал бы второй подполковник дивизиона, командир 1-ой батареи подполковник Решетников, имевший весьма замысловатую подпись. Это — о подписях.

Что касается содержания статьи ген. фон-Лампе, то мне кажется, что генерал сделал одну невольную ошибку. Дело в том, что он знал лично нашего тогдашнего начальника штаба 32-ой дивизии ген. м. Белоусова и не знал начальника дивизии ген.-лейт. И. И. Попова. В результате вышло само собой, что главное место в статье занял первый. Между тем, ген.-лейт. Попов был личностью несомненно яркой.

Не помню, когда и где генерал Попов принял

32-ую пех. дивизию, но хорошо помню его приезд к 5-ой батарее, старшим офицером, которой был тогда я. Тогда впервые после ряда бесцветных, а иногда и почти анекдотических начальников дивизии, мы увидели настоящего генерала. Его рост, фигура, приятное лицо, манеры и голос — все отвечало представлению о том, каким должен быть генерал, и это было сразу отмечено и офицерами и солдатами. Кстати: из его предшественников никто, принимая дивизию, не дал себе труда объехать вверенные ему части, ген.-лейт. Попов был первый, который это сделал. Генерал Попов обладал и прекрасным даром слова, знал, что, когда и как сказать, и говорил совершенно искренне, не примешивая к речи никаких „казенных“ фраз, и потому своей речью, впоследствии, по поводу отречения Государя Императора, растрогал солдат до слез. А что он не боялся того, „что скажет княгиня Марья Алексеевна“, хотя бы она была самым временным правительством, доказывает и этот рапорт, стоивший ему карьеры в то время, когда многие старались „использовать конъюнктуру“.

Как артиллерийский штабс-капитан, старший офицер 5/32 батареи, я был, конечно, далеко от штаба дивизии и его дел, и потому ни в коем случае не собираюсь возражать генералу фон-Лампе по поводу того, что инициатором и составителем рапорта был начальник штаба ген. Белоусов; хочу только подчеркнуть, что генерал Попов был не только номинальным начальником дивизии! Как и ген. Белоусов, он был офицером Генерального Штаба, генерал-майором еще в мирное время, начальником штаба одной из армий во время войны, в какой-то должности и был произведен в ген.-лейтенанты, т. е., был вообще блестящим генералом Генерального Штаба. Поэтому, то он и согласился с инициативой своего начальника штаба и, если и поручил ему составление текста, то контроль и подпись, ответственность оставалась на начальнике дивизии. Он и был признан „виновником“ рапорта и был немедленно же удален в резерв чинов, а затем — погиб. Честь ему и слава, — и вечная память!

В. Милоданович

Хроника „Военной Были“

О НАГРАДАХ В СТРЕЛЕЦКИХ ПОЛКАХ

В Москве прежде находилось по 12 Стрелецких полков или Приказов; в 1672 году Царь Алексей Михайлович прибавил еще несколько полков; в 1683 году было 19 полков, а шведский посланник Пальмквист в 1674 году видел в Москве 14 стрелецких Московских полков. Московские полки считались по номерам: 1-й, 2-й, 3-й и т. д. Повышение в номере считалось наградой заслугам. Так в 1683 году полки Циклера, Воейкова, Жукова и Морева за верность, оказанную во время мятежа прочих Московских стрельцов, были повышены в своих номерах, и полку Морева велено быть пятым полком, и в росписи в Стрелецком приказе написать его под Петровым полком Борисова, причем полк Нармацкого сделался шестым, Астафьева седьмым, а Дементьева восьмым, а в описании Пальмквиста полк Нармацкого стоит двенадцатым.

Извлек А. Г.

КАДЕТ

Слово французское, значит *младший* или *юнейший*. Кадетами называют в России молодых дворян, определенных в корпуса, так называемые потому кадетскими, где содержатся и обучаются они приличным для военного искусства знаниям и выпускаются потом Ober-Офицерами в корпуса инженеров и артиллеристов, также в конные и пехотные полки. Кадеты были прежде в России сверх оных и в конных полках. Сей чин состоял между Унтер-Офицерского и первого Ober-Офицерского.

(Военный Словарь Г. М. С. Тучкова, Москва 1818 год).

Извлек А. Г.

Страничка формоведа

О ПОГОНАХ

В нашем представлении, офицерские погоны состоят из золотого или серебряного галуна, с одним или двумя цветными просветами. Происхождение их было, однако, не таково.

Офицерские погоны были введены впервые во время Восточной войны. Приказом Военного Министра, 29 апреля 1854 года № 53, штаб и обер-офицерам, в военное время повелено было иметь походные шинели, одного цвета и покроя с шинелями нижних чинов. При этих походных шинелях, полагались погоны с нашивками из галуна (по цвету пуговиц): а) у генералов — из галуна, присвоенного воротникам генеральских гусарских венгерок, нашитого во всю ширину погона, кроме небольшого отступа от краев, б) у штаб-офицеров — из галуна, присвоенного кавалерийским португезам, нашитого (несколько отступая от краев погона) в три ряда, с двумя “процветами”, в) у обер-офицеров — из галуна того-же образца, нашитого в два ряда, с одним “процветом” по середине. На всех погонах полагались также и звездочки, как на эполетах. До введения “нашивок” на офицерских погонах, они были даны унтер-офицерам.

Приказом Военного Министра 8 апреля 1843 года № 47, для взаимного отличия нижних чинов, были установлены нашивки, идущие “поперек” погона: а) у фельдфебелей — широкий золотой галун в один ряд, б) у взводных унтер-офицеров — узкий шерстяной басон, белого цвета, в три ряда, в) у отделенных унтер-офицеров — такой-же басон, в два ряда, г) у ефрейторов — такой-же басон, в один ряд.

Очевидно, что для обозначения чинов на офицерских погонах был применен тот-же способ, что уже существовал на погонах унтер-офицерских, с тою лишь разницею, что нашивки шли вдоль, а не поперек погона.

Е. М.

Хронология Русской Армии 1700-1900 г. г.

Часть I. — Все формирования, переименования, расформирования и т. п. всех воинских частей, расположенные по царствованиям и родам оружия. Тетрадь в 240 стр., формат 25 × 33 см.

Цена 40 нов. фр., пересылка — 2 нов. фр.; 8 амер. дол., пересылка — 50 амер. ц. Ввиду очень больших расходов по печатанию (каждый экз. обходится в 36 нов. фр.), выпущено всего 100 экзempl. По выручке нужных средств от продажи издания, выйдет, в том-же объеме и формате, часть II — Хронологические указатели пехоты и кавалерии (включая казачьи части), где все справки сгруппированы по полкам, в порядке их основания.

Выписывать из редакции «Вестника» и «Военной Были» или от автора: В. В. Звегинцов, 17, rue Saint-Saens, Paris-15°.

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ ЗА РУБЕЖОМ

(Продолжение)

- фон-ВАЛЬ — Кавалерийские обходы генерала Ка-
ледины (1914-1915). 64 стр. малого формата.
Изд. автора, Таллин 1933 г.
- " — " — " — Деятельность генерала Щербачева.
К истории Белого Движения. 156 стр. мал. форм.
Изд. автора, Таллин 1935 г.
- " — " — " — Война белых и красных в Фин-
ляндии в 1918 году.
- " — " — " — Значение и роль Украины в
вопросах освобождения России от большевиков на
основании опыта 1918-20 г.г.
- " — " — " — Как Пилсудский погубил Дени-
кина. Общие выводы. В последних трех книгах
272 стр. малого формата.
- Б. ВЕВЕРН — Шестая батарея (1914-1917)
с пред. ген. Головина. Обложка работы худож.
А. В. Веверна, в двух книгах.
Изд. вдовы автора. Париж 1938 г.
- Э. А. ВЕРЦИНСКИЙ — Из мировой войны. Боевые
записки и воспоминания командира полка и офи-
цера Генерального Штаба. 167 стр. с картами
и фотогр.
- Изд. Ревель 1931 г.
- " — " — " — " — Памятные дни. Сборник во-
споминаний гвардейских стрелков под ред. Э. А.
Верцинского. 106 стр. малого формата.
- " — " — " — Памятные дни. Из воспоми-
наний гвардейских стрелков. Книга 2-я 128 стр.
Изд. Ревель 1939 г.
- " — " — " — Памятные дни. Из воспоминаний
гвардейских стрелков. Книга 3-я 130 стр.
Изд. Ревель 1939 г.
- " — " — " — Год революции. Воспоминания офи-
цера Генерального Штаба за 1917-18 г.г.
Изд. Ревель 1929 г. 60 стр.
- "ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА" — издание Обще-Ка-
детского Объединения в Буэнос-Айресе. Вып. I
(единственный), 30 стр. малого формата. Содержа-
ние: Во дни рыцаря — Царя и Гренадер Семе-
нов.
Изд. Буэнос-Айрес 1957 г.
- "ГЕНЕРАЛ ВРАНГЕЛЬ" — Болезнь, смерть и погре-
бение Главнокомандующего Русской Армией гене-
рал-лейтенанта барона Врангеля в Брюсселе. Из-
дание Союза Галиполийцев в Брюсселе. Одна ты-
сяча экземпляров.
- "ВОЕННЫЙ СБОРНИК" — издание Общества Рев-
нителей Военных Знаний. Военно-исторический и
военно-научный журнал под редакцией ген. штаба
полковника В. М. Пронина и И. Ф. Патронова.
Основан в 1921 году, в Белграде (Югославия).
Выпущено 11 книг размером от 200 до 450 стр.
12-я книга погибла в наборе, в сгоревшей типо-
графии, во время бомбардировки немцами 6 мая
1941 г.
- Генерал Е. К. ВИШНЕВСКИЙ — Аргонавты белой
мечты. Описание Якутского похода Сибирской Доб-
ровольческой Дружины со вступит. статьей Василия
Логинова. 198 стр. с илл. и схемами.
Изд. Харбин 1937 г.
- М. ВЛАДИСЛАВОВИЧ — На мотив "Звериады". Во-
споминания в стихах о Николаевском кавалерий-
ском училище (СПБ 1896-98 г.г.). 170 стр.
Изд. Ровно (Польша) 1936 г.
- Генерал В. Н. ВОЕЙКОВ — С Царем и без Царя.
Воспоминания последнего дворцового коменданта.
Изд. Гельсингфорс 1936 г. 434 стр.
- Н. ВОРОНОВИЧ — Всевидящее око (из быта Рус-
ской армии). 75 стр. с фотографиями. Изд. Нью-
Йорк 1951 г.
- " — " — " — Русско-японская война. Воспоми-
нания, 78 стр. с фотографиями.
Изд. Нью-Йорк 1952 г.
- " — " — " — Записки камер-пажа Императрицы.
60 стр. с фотографиями.
Изд. Нью-Йорк 1952 г.
- " — " — " — Вечерний звон. Очерки прошлого
(1891-1917).
Изд. Нью-Йорк 1952 г.
- Лейтенант ВЫРУБОВ — Как погибла "Светлана".
Разказ участника боя лейт. А. В. Вырубова. 30
стр. Три фотографий.
Изд. Париж 1930 г.
- "В память Первого Кубанского Похода" — сборник
под редакцией В. И. Казановича, И. К. Кирненко
и К. Н. Николаева. Издание Правления Союза
Участников Первого Кубанского Похода. Белград,
1926 г. Портреты Вел. Князя Николая Николаевича
и генерала Врангеля.
- Великий Князь ГАВРИИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ —
В Мраморном дворце. Издат. имени А. П. Че-
хова. 412 стр.
- ЮРИЙ ГАЛИЧ (ген.-майор Гончаренко) — Звериада.
Изд. Рига 1931 г. 364 стр. и краткий список лиц,
упоминаемых в книге.
- " — Легкая кавалерия. Изд. Рига 1928 г. Сбор-
ник рассказов. 194 стр.
- ГАРШИН, Михаил Юрьевич, кап. I ранга — Королева
Эллинов Ольга Константиновна. Изд. Прага 1937 г.
48 стр. "Рус. Морская Заруб. Библиотека" № 44.
- Николай ГАСФЕЛЬД — Полвека. Воспоминания быв-
шего офицера французской службы. Изд. Париж
1950 г. 174 стр.
- "Генерал Кугелов" — сборник статей, посвященных
его памяти. Изд. Париж 1934 г. 178 стр.
- А. ГЕРУА — Полчища. Российско-болгар. изд.-во. Со-
фия 1923 г. Выпущено одновременно на двух язы-
ках. 434 стр. Типогр. "Балкан", София.
- ГЕФТЕР, Александр Александрович — В море ко-
рабли. Изд. Военно-Морского Союза, Париж 1932 г.

- 160 стр., в обложке, работы автора. "Мор. Зар. Библ." № 21.
- " — Секретный курьер, роман памяти погибших секретных курьеров, безвестных, как и их могилы. Париж 1938 г. 284 стр. "Мор. Зар. Библ. № 56.
 - " — Мояна, морские рассказы. Изд. "Филин", Рига 1937 г. "Мор. Зар. Библ." № 65, 216 стр.
 - " — Поцелуй. Рассказы. Изд. Тянь-Цзин, 1940 г. 216 стр. "Мор. Зар. Библ." № 65.
 - " — Подвиг. Рассказы. Изд. Тянь-Цзин, 1940 г. 232 стр. "Мор. Зар. Библ. № 66.
- ГЕФТЕР, ЛУКИН, СЕДЕРГОЛЬМ и ПОЛИТОВСКИЙ — Флаг адмирала. Сборник морских рассказов, 238 стр. Изд. Рига 1930 г.
- В. П. ГЛИНДСКИЙ, полк. — Боевая летопись лейб-гв. 3 Стрелкового Его Величества полка. 19 июля 1914 г. — 2 марта 1917 г. 39 стр. Изд. Париж 1935 г., с портретом Императора Николая II и полк. Усова.
- М. ГОЛЕЕВСКИЙ, — Материалы по истории гвардейской пехоты и артиллерии в гражданскую войну 1917-22 гг. Кн. I — 116 стр., с фотогр. и схемами, кн. II — 86 стр. со схемой.
- Н. Н. ГОЛОВИН, Генер. Штаба ген.-лейт. — Авиация в минувшую войну и в будущую. Брошюра в 26 стр. Изд. Прага 1932 г.
- " — К чему идет Великобритания? Стратегическое исследов. Изд-во "Мир", Рига 1935 г. 228 стр.
 - " — Современ. война и красная вооружен. сила. 1923 г. Было помещено в № 3 "Военного Сборника". Есть и отдельное издание.
 - " — Развитие основных идей современ. техники. (Довоенные доктрины 1914-15 гг.). 1924 г. Помещено в № 5 "Военного Сборника". Есть и отдельное издание. 43 стр. и 3 чертежа.
 - " — Тихоокеанская проблема в XX столетии. Изд. Прага 1924 г. "Пламя", 292 стр. и 6 черт.
 - " — Танки в минувшую войну и в будущую. Изд. "Пламя", Прага 1925 г. 122 стр., 7 черт. и 15 рис.
 - " — Современная конница. Помещено в №№ 4, 5, 6, 8, 9, 10 "Военного Сборника". Есть отдельное издание.
 - " — Тактика в задачах. Атака укрепленной позиции. Берлин 1925 г. Изд. "Град Китеж". 126 стр. и 9 чертежей.
 - " — Мысли об устройстве будущей Русской вооруженной силы. Изд. автора. 1925 г. 408 стр. и 2 чертежа: Два первых издания были распроданы. 3-е изд. было по выпускам: 1-й — Общие основания — вышел, 96 стр.
 - " — Суворов и его наука побеждать. Париж 1931 г. Изд. "Возрождение", 132 стр., с илл.
 - " — Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке. Изд. "Русский Голос". Белград 1934 г. 60 стр. и 2 схемы.
 - " — Военные усилия России в мировой войне, в
- двух томах. Т. I — 210 стр. и 10 схем. Т. II — 240 стр. и 2 схемы. Изд. Тов-ва Объединенных издательств. Париж 1939 г.
- " — Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. План войны. Изд. Глав. Правл. Зарубеж. Союза Рус. Военных Инвалидов. Париж 1936 г. 280 стр. и 49 схем.
 - " — То-же. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Изд. "Пламя", Прага 1925 г. 436 стр. и 14 чертежей.
 - " — То-же. Галицийская битва (первый период). Изд-во "Родник", Париж 1930 г. 557 стр., с приложением отдельного конверта карт и схем.
 - " — Дни перелома Галицийской битвы 1-3 сентября п./ст. Посвящается памяти Верховного Главнокомандующего Вел. Князя Николая Николаевича. Изд. Глав. Правл. Зарубеж. Союза Рус. Воен. Инвалид. Париж 1940 г. 196 стр.
 - " — Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж 1938 г. 241 стр.
 - " — Российская контр-революция. Изд. "Иллюстр. России", печатано в Эстонии в 1937 г., в 5 частях. 12 книг.
- Ген.-майор ГОЛУБИНЦЕВ — Русская Вандея. Очерки гражданской войны на Дону. 1917-20 гг. Изд. Мюнхен, 1959 г. 210 стр.
- Генерал К. ГОППЕР — Четыре катастрофы. Воспоминания. Изд. Рига. 164 стр.
- М. ГОРДЕНЕВ — Морские обычаи, традиции и торжественные церемонии Российского Императорского Флота. 222 стр., с фотогр. Изд. "Морск. Заруб. Библ." № 40.
- Михаил ГОРЯНСКИЙ — В огне. Батальные новеллы. Изд. София 1935 г. 110 стр.
- ГОШТОВТ, Георгий Адамович — Кирасиры Его Величества в Великую войну. Том I — 222 стр. Изд. "Возрождение" 1934 г. Том II — 216 стр. Изд. полк. Сафонова 1942 г. Том III — 368 стр. 1916-17 гг. Участие в Белом Движении. Жизнь за рубежом. Изд. Объединения Кирасир Его Величества. Многие чертежи в первых двух тт., раб. А. В. Каменского и в III — И. Я. Григуль. Типографии "Наварр", Париж.
- " — Кауцен. Изд. "Павлин". Медон 1931 г. 80 стр., с картой.
 - " — Дневник кавалерийского офицера. Изд., Париж 1931 г. 192 стр., со схемой. На последней странице указано "конец первого периода". Продолжение никогда не было напечатано.
- "Гражданская война на Волге". Сборник первый. Издание Об-ва участников Волжского Движения. Изд. Париж 1930 г. 286 стр. Склад издания в Праге. Число экземпляров было ограничено числом членов Об-ва.

Алексей Геринг

(Продолжение следует).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1961 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ
ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Одиннадцатый год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:

61, rue Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТНИКА».

Подписная цена с пересылкой на год :

7 Н. Фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.

В газете — постоянные отделы: В поработанной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получить:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Char-
don-Lagache, Paris (16^e) и в Русских
книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin
Ducal, Tervuren. Bruxelles.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder
Grove, London N. W. 2, б) у Д. К.
Краснопольского — 19, Warwick Road,
London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-
Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bred-
gade 53, Copenhagen.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense
86, Roma.

Сев. Ам. С.Ш. — а) в Обще-Кадетском Объеди-
нении у В. А. Высоцкого 410, Ri-
vercide Drive Ap. 103 A. New-York 25.
б) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А.
Куторга — 272, 2 avenue San-Francisco
18, в) у С. А. Кашкина — 30-11, Parsons
bld, Ap. 2X, Flushing 54, N.-Y.

Канада у Б. Л. Орешкевича — 167, Chisholm
Ave Toronto 13, ONT.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce,
Stanmor (N. S. W.); б) у Н. А. Косач,
16, Valmai ave. King's Park, Adelaide,
South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av.
Sartia, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obliga-
do 2130, Buenos-Aires.

Литературно-политические тетради

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

Независимый орган национальной мысли.

37-й год издания.

Адрес редакции:

73, avenue des Champs-Élysées, Paris-8.

„Морские записки“

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 1/2 (54)
т. XIX 1961 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию В. В. Скрыбин,
141ter, Avenue de Clichy. — Paris 17e.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Г. А. ДЖУДЖИЕВА

„LE MAGASIN DU LIVRE“

10, rue des Carmes, Paris-5^e

ПРОДАЕТ НАШИ ЖУРНАЛЫ И ПРИНИМАЕТ
ПОДПИСКУ НА ВСЕ ИЗДАНИЯ «ВОЕННОЙ
БЫЛИ».

СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ЦАРСТВЕННОГО ПОЭТА К. Р.

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Предварительная подписка принимается в редакции «ВЕСТНИКА»
61, rue Chardon-Lagache, Paris-16°. —

Цена по подписке: зона франка — 20 нов. фр., зона фунта — 1 англ. фунт 10 шил.,
страны заокеанские — 5 америк. дол.

П О К У П А Ю

военные книги, полковые знаки, погоны,
эполеты, принадлежности форм обмунди-
рования, военные гравюры и литографии,
листы Висковатова, Пиратского и других.
Предложения на адрес Издательства
для № 1.

Кадеты, окончившие Русский кадетский корпус
в Сараево и Корпус Великого Князя Констан-
тина Константиновича, в Белой Церкви, могут
получить установленный значек корпуса по
адресу: *Mr. Ivanoff, 84, Av. Cor de Chasse,
Bruxelles 17. C. C. Post.: 71-04-55.*

Цена значка — 100 бельг. франк. с пересылкой
заказным пакетом.

Значки Константиновского Артиллерийского училища

принимаются заказы на любое количество
по цене 5 нов. фр., в странах заокеанских
— 1 дол. 25 ц. без пересылки.

Значки Обще-Кадетского Объединения

принимаются заказы.

Цена — 2 н. ф. 50 с. В странах заокеан-
ских — 75 ц. без пересылки.

Посылать деньги и заказы по адресу:

**M. Marine, 18, rue Plumet,
Paris-15°.**

C.C.P. 9325-52, Paris.

„Сборник Российской военной поэзии“

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ВЫПУСК II

Полковые и судовые песни и стихотворения.

Издание Обще-Кадетского Объединения, под редакцией А. А. Геринга.

Цена: 5 нов. фр. В странах заокеанских 1 дол. 25 цент. с пересылкой.